

Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза¹

2022 год

¹ Настоящее *Обобщение* подготовлено на основе решений и консультативных заключений, принятых Судом Евразийского экономического союза в период с декабря 2015 года по март 2022 года. Режим доступа: URL: https://courteurasia№.org/court_cases/eaeu/. В приведенных выдержках в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография, использованные в текстах решений и консультативных заключений.

Перечень приведенных в *Обобщении* правовых позиций не носит исчерпывающего характера.

Содержание:

Общие положения.....	7
По вопросу о соотношении компетенции Евразийского экономического союза и компетенции государства – члена Союза.....	8
О функциональном иммунитете Евразийского экономического союза.....	9
По вопросу о компетенции Евразийской экономической комиссии.....	9
полномочия Комиссии по классификации отдельных видов товаров.....	11
полномочия Комиссии по мониторингу и контролю за исполнением государствами – членами Союза международных договоров и решений Комиссии.....	13
полномочия Комиссии по контролю за исполнением государствами – членами Союза общих правил конкуренции.....	15
По вопросу о компетенции Суда Евразийского экономического союза.....	15
об оспаривании в Суде решений (действий, бездействия) Евразийской экономической комиссии, затрагивающих права и законные интересы хозяйствующих субъектов	18
об оспаривании решений (действий, бездействия) Комиссии в сфере конкуренции	20
об оценке Судом решений (действий, бездействия) Комиссии на их соответствие праву Союза	21
По вопросу о понимании «права Евразийского экономического союза». Его реализация (применение) государством – членом Союза, Судом Евразийского экономического союза	22
о «международных договорах, не являющихся международными договорами в рамках Союза или международными договорами Союза с третьей стороной», как часть права Евразийского экономического союза	25
решения Евразийской экономической комиссии как часть права Союза	26
технические регламенты Евразийского экономического союза как часть права Союза	26
об актах, принятых в рамках Евразийского экономического сообщества и включаемых в право Евразийского экономического союза	27
По вопросу о толковании и применении Судом права Союза	28
о толковании и применении Судом отдельных международных договоров.....	32
о классификационных мнениях (решениях) Комитета по гармонизированной системе, действующего в рамках Международной конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, как средствах интерпретации Гармонизированной системы	34
о значении решений Суда Евразийского экономического сообщества для практики Суда Евразийского экономического союза	36
По вопросу о понимании (толковании) Судом Евразийского экономического союза отдельных терминов (определений)	37

«скоординированная, согласованная и единая политика», осуществляемая Союзом и государствами – членами Союза	37
«гармонизация» и «унификация» законодательства государств – членов Союза.....	38
«коммерческая (предпринимательская) деятельность», «хозяйствующий субъект»..	39
«отдельный вид товара»	39
«конкуренция».....	40
«естественная монополия».....	40
«трудовая деятельность»	41
«бездействие»	41
«свобода»	42
«ограничение» прав и свобод (в сфере трудовых правоотношений).....	43
 По вопросу о соотношении права Евразийского экономического союза и права государства – члена Союза	43
 По вопросу о техническом регулировании (принятие технических регламентов) в Евразийском экономическом союзе.....	45
общие положения	45
о действии технических регламентов в отношении продукции, включенной в единый перечень	47
процедура оценки соответствия выпускаемой на таможенную территорию Союза продукции техническим регламентам.....	48
обеспечение безопасности продукции, в отношении которой технические регламенты не приняты	50
 По вопросу о пропорциональности принимаемых государством – членом Евразийского экономического союза мер, связанных с ограничением прав и свобод	51
 По вопросу о понимании и реализации принципа состязательности в деятельности Суда Евразийского экономического союза	51
об оценке Судом представляемых сторонами по делу доказательств в аспекте реализации принципа состязательности	54
 По вопросу об исполнении Евразийской экономической комиссией решений Суда Евразийского экономического союза	56
 Правовые позиции (практика) Суда Евразийского экономического союза по отдельным вопросам.....	56
 По вопросу о торговле товарами: свобода их перемещения в рамках Евразийского экономического союза.....	56
о возможности введения государством – членом Союза ограничения на торговлю товарами	57
о наличии либо об отсутствии (для целей обязательного таможенного декларирования наличных денежных средств) связи между фактическим ввозом/вывозом физическим лицом воздушным транспортом таких средств с/на таможенную территорию таможенного союза и пребыванием данного лица в трансферной зоне международного аэропорта государства, не являющегося членом Союза.....	60
 По вопросу о правовом регулировании предоставления финансовых услуг в рамках Евразийского экономического союза	65

общие положения	65
о предоставлении финансовых услуг, в том числе лизинговых услуг, оказываемых лизинговой компанией, не являющейся банком	67
о пруденциальном регулировании лизинговой деятельности	68
По вопросу о тарифном квотировании	72
По вопросу осуществления промышленной политики в Евразийском экономическом союзе в аспекте недопустимости дискриминации.....	77
По вопросу о классификации Евразийской экономической комиссией товара, перемещаемого на таможенную территорию государств – членов Союза.....	80
Общие положения	80
процедура принятия Комиссией решения о классификации товара.....	83
материалы, учитываемые Комиссией при принятии решения о классификации товара	84
отдельные правила и критерии классификации товаров	87
По вопросу об антимонопольном правовом регулировании; соотношение компетенции Евразийского экономического союза и компетенции государства – члена Союза	90
о понимании «трансграничного рынка»	95
о понимании «хозяйствующих субъектов, входящих в группу лиц»	96
о пресечении Комиссией нарушения общих правил конкуренции.....	98
о запрете заключения «вертикальных соглашений».....	99
о запрете координации экономической деятельности	102
о привлечении к ответственности хозяйствующего субъекта государства – члена Союза за действия (бездействие), нарушающие общие правила конкуренции; соотношение международно-правового и национально-правового регулирования	104
По вопросу о международно-правовом и национально-правовом регулировании деятельности естественных монополий	110
По вопросу о применении унифицированного тарифа	112
в сфере транспорта	112
о применении унифицированного тарифа к грузовым перевозкам железнодорожным транспортом в транзитном сообщении с участием территории третьих государств	114
По вопросу об уплате таможенных платежей.....	120
о солидарной ответственности таможенного представителя и декларанта за уплату указанных платежей; соотношение права Союза и права государства – члена Союза	120
о зачислении и распределении уплаченных (взысканных) ввозных таможенных пошлин между бюджетам государств – членов Союза.....	123
По вопросу о налогообложении; соотношение права Евразийского экономического союза и права государства – члена Союза	125
По вопросу о свободе передвижения лиц в Евразийском экономическом союзе, в том числе трудовых мигрантов.....	128
общие положения	128

о возможности ограничения прав и свобод лиц в сфере трудовой миграции.....	130
о свободе передвижения в Евразийском экономическом союзе лиц, занимающихся профессиональным спортом; соотношение права Союза и права государства – члена Союза.....	132

По вопросу защиты трудовых прав и свобод лиц, являющихся должностными лицами (сотрудниками) Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза.....

общие положения	135
соотношение права Евразийского экономического союза и права государства – члена Союза в аспекте защиты трудовых прав и свобод должностных лиц (сотрудников) Комиссии и Суда	135
о проведении организационно – штатных мероприятий в аппаратах Комиссии и Суда	138
о проведении аттестации сотрудников Комиссии	139
об избежании при аттестации конфликта интересов	143

По вопросу о пенсионном обеспечении должностных лиц (сотрудников) Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза; соотношение права Союза и права государства – члена Союза.....

общие положения	148
об исчислении трудового стажа сотрудников Комиссии и Суда	149

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 31 – 33). Согласно подпункту «в» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора *наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.*

В абзаце третьем пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» содержится разъяснение, согласно которому «[п]ри толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, *судам следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции.....*».

Общие положения

В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Договора² в рамках Союза³ обеспечивается свобода движения

товаров,
услуг,
капитала
и рабочей силы,

проведение *скоординированной, согласованной или единой* политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза (пункт 3 консультативного заключения *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года от 7 декабря 2018 года*).

[В] преамбуле Договора закреплено стремление укрепить экономики государств – членов Евразийского экономического союза и обеспечить их гармоничное развитие и сближение, а также гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию. В число *основных принципов функционирования Союза* статья 3 Договора включает обеспечение

взаимовыгодного сотрудничества,
равноправия

и учета национальных интересов государств – членов. Положения статьи 4 Договора одной из основных целей Союза определяют стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (пункт 2.1 консультативного заключения от 11 января 2021 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Формирование внутреннего рынка является неотъемлемым элементом и одной из основных целей создания современных интеграционных объединений, к которым относится и Евразийский экономический союз, в котором проводится единая политика в области таможенного регулирования (часть вторая, разделы V, VI Договора) (пункт 2 консультативного заключения от 30 октября 2017 года *по заявлению Евразийской*

² Здесь и далее также – Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Договор о Союзе, Договор от 29 мая 2014 года.

³ Здесь и далее также – Евразийский экономический союз.

экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

По вопросу о соотношении компетенции Евразийского экономического союза и компетенции государства – члена Союза

Союз, согласно пункту 2 статьи 1 Договора, является международной организацией региональной экономической интеграции, *обладающей международной правосубъектностью* (пункт 2 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года).

[Г]осударства – члены Союза передали Комиссии и Суду *исключительные полномочия в сферах деятельности, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза* (пункт 2 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года).

Содержание статей 3 и 5 Договора свидетельствует, что Союз осуществляет свою деятельность в пределах и объемах компетенции, предоставленной ему государствами – членами на основании Договора и международных договоров в рамках Союза. Уяснение смыслового содержания данных правовых норм позволяет [Суду] прийти к выводу о том, что *полномочия, не переданные Союзу, представляют собой компетенцию государств – членов* (пункт 3 консультативного заключения от 10 июля 2020 года).

[К]роме таможенных правоотношений, прямо указанных в ТК ТС⁴, к компетенции государств – членов Таможенного союза относятся вопросы, не урегулированные международными договорами и, в частности, ТК ТС. Это значит, что ряд существенных полномочий по таможенному регулированию в отношении

вывозных таможенных пошлин,
налога на добавленную стоимость,
акцизов,

таможенных сборов, остается в национальной компетенции государств – членов. Данный вывод согласуется со статьей 45 Договора о Союзе, [где] перечислены полномочия Комиссии по вопросам таможенно-тарифного регулирования, и в которых отсутствуют полномочия в сфере установления и определения вывозных таможенных пошлин, налога на добавленную стоимость, акцизов, таможенных сборов (пункт 5 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

⁴ Далее также – Таможенный кодекс Таможенного союза.

О функциональном иммунитете Евразийского экономического союза

Приоритет права Союза в вопросах регулирования внутрисоюзных правоотношений важен и с точки зрения независимого исполнения функций органами Союза и базовой характеристики деятельности международной организации – *функционального иммунитета*, присущего в силу правовой природы международной организации как субъекта международного права. Органы Союза, как международной организации региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, пользуются иммунитетом, поскольку это предусмотрено Договором и международными соглашениями с государствами пребывания. Таким образом, *иммунитет органов Союза имеет договорную основу и предоставлен им государствами – членами в силу функциональной необходимости* (пункт 8 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*)⁵.

По вопросу о компетенции Евразийской экономической комиссии⁶

Из смыслового содержания пунктов 1 и 2 статьи 8, статьи 45 Договора, статьи 22 ТК ЕАЭС⁷ следует, что *наделение Комиссии как наднационального регулирующего органа полномочиями производится на основании Договора и международных договоров в рамках Союза* (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

Являясь постоянно действующим регулирующим органом Союза, Комиссия наделена полномочиями, *направленными на расширение и углубление интеграции, обеспечение условий функционирования и развития Союза* (пункт 7.1.1 решения Суда Евразийского экономического союза

⁵ Положениями абзаца 1 статьи 12 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Евразийской экономической комиссии об условиях пребывания Евразийской экономической комиссии на территории Российской Федерации от 8 июня 2012 года установлено, что имущество Комиссии, находящееся на территории Российской Федерации, неприкосновенно и не подлежит обыску, реквизиции, конфискации, экспроприации и какой – либо другой форме вмешательства путем исполнительных, административных или судебных действий, за исключением случаев, когда Комиссия сама отказывается от иммунитета (пункт 8 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года).

⁶ Здесь и далее – Евразийская экономическая комиссия.

⁷ Здесь и далее – Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.

от 7 апреля 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

Обеспечение реализации международных договоров, входящих в право Союза, а также мониторинг и контроль исполнения международных договоров и решений Комиссии входят в компетенцию Комиссии (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

Свою деятельность Комиссия осуществляет *на основе принципов* обеспечения взаимной выгоды, равноправия и учета национальных интересов государств – членов, экономической обоснованности принимаемых решений, открытости, гласности

и объективности. В целях реализации своих полномочий Комиссия принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств – членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, рекомендации по тем вопросам, администрирование которых государства – члены делегировали Союзу. К таким полномочиям, наряду с другими, относятся полномочия в сферах таможенно-тарифного и нетарифного, а также таможенного регулирования. Полномочия Комиссии в указанных сферах определены пунктом 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору...), а также статьей 42 Договора, согласно которой на таможенной территории Союза применяются единая ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС⁸, утверждаемые Комиссией и являющиеся инструментами торговой политики Союза, пунктом 1 статьи 45 Договора, в соответствии с которым Комиссия осуществляет ведение единой ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС, пунктом 7 статьи 52 Таможенного кодекса, где установлено, что в целях обеспечения единообразия толкования товарной номенклатуры на основании предложений таможенных органов Комиссия принимает и публикует решения и разъяснения по классификации отдельных видов товаров (пункт 7.1.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

[Д]искреция Комиссии на принятие актов нормативно-правового характера, в том числе, решений о классификации отдельных видов товаров, в пределах полномочий, переданных ей государствами – членами Союза, не может

⁸ Здесь и далее – Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза.

быть поставлена под условие наличия или отсутствия ранее принятых на уровне государств – членов Союза решений, равно как и решения национальных судов по результатам рассмотрения конкретных дел не могут ограничивать право органов Союза на принятие решений по вопросам, переданным в их компетенцию (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 марта 2019 года по делу закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии).

Хозяйствующие субъекты (субъекты рынка), некоммерческие организации, органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные осуществляющие их функции органы или организации (их должностные лица) государств – членов, физические лица *обязаны представлять в Комиссию по ее запросу в установленные сроки необходимые Комиссии в соответствии с возложенными на нее полномочиями информацию, документы, сведения, пояснения* (абзац второй пункта 13 Протокола). Изложенные требования распространяются не только на лиц, которые участвуют в процедурах расследования и рассмотрения дел, но и на широкий круг других субъектов, не являющихся участниками указанных процедур (пункт 5.1.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии).

[О]существление уполномоченным органом запросов о предоставлении информации и их исполнение необходимо Комиссии для надлежащего осуществления ею своих функций в сфере конкурентной политики и относится к процедурным вопросам, не затрагивающим непосредственно сферу предпринимательской и иной экономической деятельности хозяйствующего субъекта, не ущемляющим его права и законные интересы в этой сфере (пункт 5.1.4. Решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии).

полномочия Комиссии по классификации отдельных видов товаров

Часть 1 пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС представляет Комиссии право на принятие решений о классификации отдельных видов товаров *в целях обеспечения единообразного применения Товарной номенклатуры⁹ на*

⁹ В соответствии с пунктом 1 статьи 19 ТК ЕАЭС *Товарная номенклатура представляет собой систему описания и кодирования товаров, которая используется для классификации товаров, в том числе в целях применения мер таможенно-тарифного регулирования.*

основании предложений таможенных органов государств – членов (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

Право Союза, предоставляя Комиссии *полномочия по классификации отдельных видов товаров* (пункт 7 статьи 52 Таможенного кодекса), ограничивает случаи принятия решений о классификации целями обеспечения единообразного толкования ТН ВЭД ЕАЭС и соблюдением процедуры, установленной Порядком¹⁰. Коллегия Суда приходит к выводу, что в случае, если формулировка товарной позиции или субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС допускает неоднозначное толкование, что подтверждается неединообразной практикой классификации товаров в государствах – членах, то *обеспечение единообразного толкования и применения ТН ВЭД реализуется Комиссией путем принятия решений о классификации в соответствии с пунктом 7 статьи 52 Таможенного кодекса (пункт 7.2.8 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).*

В силу пункта 2 статьи 19 ТК ЕАЭС *международной основой Товарной номенклатуры являются Гармонизированная система и Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств*. Учитывая приведенную норму, а также пункт 1 статьи 42 и пункт 1 статьи 45 Договора, пункт 5 статьи 19 ТК ЕАЭС следует, что *полномочия Комиссии на принятие решений по утверждению и ведению Товарной номенклатуры, включая внесение в нее изменений, ограничены необходимостью обеспечения ее соответствия Гармонизированной системе (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).*

[П]рактика других государств по отнесению товара в определенную субпозицию и подсубпозицию таможенно – тарифной номенклатуры не является для ЕЭК обязательной при вынесении решения о классификации отдельного вида товара (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

¹⁰ Порядок принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденный решением Коллегии Комиссии от 2 декабря 2013 года № 284.

[Ф]акт обращения хозяйствующего субъекта в ЕЭК¹¹ не является безусловным основанием для внесения Комиссией изменения в ТН ВЭД ЕАЭС (пункт 5.2.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 июля 2021 года по делу *акционерного общества «СУЭККУЗБАСС» к Евразийской экономической комиссии*).

**полномочия Комиссии по мониторингу и контролю за исполнением
государствами – членами Союза международных договоров и решений
Комиссии**

Рассматривая функции и полномочия Комиссии по осуществлению мониторинга и контроля за исполнением международных договоров, *входящих в право Союза*, предоставленных подпунктом 4 пункта 43 Положения, абзацем 6 статьи 18 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года, следует отметить, что данными и иными нормами права Союза, Таможенного союза *не установлен круг субъектов, правомочных инициировать процедуру мониторинга и контроля*. По смыслу Договора о Союзе, Положения о Комиссии, также как и Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года для проведения мониторинга не требуется разрешения или обращения. *Мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения* (пункт 4 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

[О]бращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства какого – либо государства – члена в той или иной сфере, *само по себе не может являться безусловным основанием для мониторинга* (пункт 4 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

[М]ониторинг предполагает сравнительный анализ законодательств государств – членов и положений международного договора (пункт 4 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

¹¹ Здесь и далее – Евразийская экономическая комиссия.

Основной целью мониторинга является обеспечение полного и своевременного исполнения обязательств по конкретному международному договору всеми сторонами договора, а также выявление нарушения обязательств по договору (пункт 4 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии).

[Р]езультаты мониторинга в первую очередь имеют правовое значение для государств – членов. Следовательно, реализация Комиссией полномочий по осуществлению мониторинга... непосредственно не влияет на права и законные интересы истца в сфере предпринимательской деятельности (пункт 4 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии).

[Н]есогласие хозяйствующего субъекта с заключением экспертизы, действиями таможенных органов, решениями и постановлениями национальных судов не может служить основанием для начала процедуры мониторинга и контроля (пункт 4 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии).

[Н]аличие законного интереса в осуществлении мониторинга не является тождественным законным ожиданиям в отношении его результатов...

[П]редметом оценки в рамках исков о бездействии Комиссии является наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения мониторинга, но не его результаты (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии).

[Н]аличие законного интереса предполагает под собой наличие нормы в праве Союза, регулирующей спорные... отношения, и корреспондирующего ей разумного ожидания лица по исполнению данной нормы. Ключевым элементом законных ожиданий выступает достаточная правовая обоснованность требований истца в соответствии с нормами права Союза. Само по себе ожидание того, что закон будет применен в пользу истца, не означает его правомерности (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу общества

с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии).

[П]оложениями Договора о Союзе к компетенции Комиссии не отнесено *выполнение функций по мониторингу и контролю за исполнением в государствах – членах международных договоров, не входящих в право Союза* (пункт 9.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии).*

полномочия Комиссии по контролю за исполнением государствами – членами Союза общих правил конкуренции

[П]олномочия Комиссии *по контролю за соблюдением общих правил конкуренции* на трансграничных рынках не ограничены сферами, предусмотренными в Перечне секторов услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Союза, утвержденном Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 110, а действуют в рамках единого экономического пространства Союза (пункт 4.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии).*

По вопросу о компетенции Суда Евразийского экономического союза¹²

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента¹³ Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза

¹² Здесь и далее также – Суд Евразийского экономического союза, Суд.

¹³ Режим доступа:

<https://courteurasia№.org/upload/iblock/6f9/1%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf>.

от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда к компетенции Суда относится рассмотрение споров, возникающих по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, *по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии*, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. Из смыслового содержания данной договорно-правовой нормы следует вывод, что Суд рассматривает споры по заявлению хозяйствующего субъекта *при одновременном наличии следующих обязательных условий*:

а) действие (бездействие) Комиссии непосредственно *затрагивает права* и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской деятельности;

б) действие (бездействие) Комиссии *повлекло нарушение* прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза (пункт 2 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).¹⁴

[П]одпункт 2 пункта 39 Статута предусматривает *две различные по предмету категории споров* по заявлению хозяйствующих субъектов:

о соответствии решения Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза

и об оспаривании действия (бездействия) Комиссии (пункт 5.2.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 июля 2021 года по делу *акционерного общества «СУЭККУЗБАСС» к Евразийской экономической комиссии*).

¹⁴ Отсутствие одного из отмеченных условий исключает компетенцию Суда по рассмотрению соответствующего спора (пункт 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

Пунктом 46 Статута¹⁵ Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года¹⁶ ..., Суд Евразийского экономического союза... *по заявлению государства – члена или органа Евразийского экономического союза... осуществляет разъяснение положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года..., международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями (пункт 8 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению сотрудников Евразийской экономической комиссии).*

Пункт 39 Статута Суда относит к *актам, подлежащим оспариванию в Суде*, только решения Комиссии, тем самым ограничивая компетенцию Суда в вопросе рассмотрения споров, связанных с иными ее актами. Данный вывод согласуется с содержанием норм Регламента Суда, которые устанавливают порядок рассмотрения дел о разрешении споров о правомерности *только таких актов Комиссии как ее решения* (в частности, статья 45 Регламента Суда) (пункт 5.1.1. Решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

При возникновении спора между сторонами факт соответствия (несоответствия) ТН ВЭД ЕАЭС¹⁷ ее международной основе устанавливается Судом (пункт 5.2.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 июля 2021 года по делу *акционерного общества «СУЭККУЗБАСС» к Евразийской экономической комиссии*).

В соответствии с пунктом 42 Статута Суда *к компетенции Суда не отнесено наделение органов Союза дополнительной компетенцией*, помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза (пункт 9.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

¹⁵ Режим доступа:

<https://courteurasia№.org/upload/iblock/b30/2%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf>.

¹⁶ Далее также – Статут Суда.

¹⁷ Здесь и далее – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Дискреция Суда не позволяет самостоятельно осуществлять классификацию товара (пункт 6.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 марта 2019 года по делу закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии).

К компетенции Суда не отнесены вопросы классификации товаров и проверка правильности такой классификации, осуществляемой таможенными органами государств – членом Союза. Нормой подпункта 2 пункта 39 Статута Суда к ведению Суда отнесена проверка соответствия решения ЕЭК праву Союза по заявлению хозяйствующего субъекта (пункт 1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 23 декабря 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии).

об оспаривании в Суде решений (действий, бездействия) Евразийской экономической комиссии, затрагивающих права и законные интересы хозяйствующих субъектов

Руководствуясь принципом правовой определенности, Коллегия Суда считает, что решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе, когда соответствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью (пункт 6.2 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

В отношении предусмотренной статьей 45 Регламента¹⁸ судебной проверки факта нарушения прав и законных интересов истца в сфере

¹⁸ В силу указанного положения «1. При рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

предпринимательской и иной экономической деятельности Коллегия Суда исходит из того, что в названной статье Регламента закреплена *перечень подлежащих исследованию Судом обстоятельств*, необходимых для разрешения спора по существу и установления соответствия (несоответствия) решения Комиссии положениям Договора и (или) международных договоров в рамках Союза, *не обязывающий соблюдать приведенную в норме последовательность доказывания* (пункт 7.2.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

Основанием для признания решения Комиссии или его положений не соответствующими Договору и международным договорам в рамках Союза *может служить только нарушение тех прав и законных интересов, которые предоставлены самим Договором и международными договорами в рамках Союза* (пункт 7.2.10 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

[П]орядок реализации национального нормативно-правового акта (в рассматриваемом случае – в виде предоставления льготы) находится в безусловной компетенции государства, реализующего этот акт, поэтому *права, предоставленные национальным законодательством, не могут быть защищены наднациональным интеграционным правом* (пункт 7.2.10 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

2. При рассмотрении спора, предметом которого являются вопросы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, Суд не выходит за рамки указанных в заявлении фактических обстоятельств и доводов, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта, а также материалов расследования, предшествующего принятию оспариваемого решения Комиссии.

Проверка решения Комиссии, связанного с применением специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры, в соответствии с подпунктом «в» пункта 1 настоящей статьи ограничивается проверкой:

соблюдения Комиссией существенных процедурных требований, правильного применения норм права, предшествующих принятию оспариваемого решения;

надлежащего использования Комиссией полученных сведений, надлежащего установления оснований для принятия оспариваемого решения, обоснованности соответствующих выводов, исходя из которых Комиссией в порядке, предусмотренном Протоколом о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение № 8 к Договору), принято оспариваемое решение».

Статья 39 Статута Суда наделила хозяйствующих субъектов процессуальным правом на обращение в Суд с требованиями *об оспаривании бездействия Комиссии*, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской деятельности, если такое бездействие повлекло нарушение предоставленных правом Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

об оспаривании решений (действий, бездействия) Комиссии в сфере конкуренции

Норма о возможности оспаривания в Суде актов Комиссии в сфере конкуренции содержится в абзаце втором пункта 14 Протокола¹⁹ после положений, регламентирующих перечень решений Комиссии обязательных для исполнения хозяйствующими субъектами – решения о наложении штрафа, решения Комиссии, обязывающие нарушителя совершать определенные действия, – следовательно, охватывает своим действием указанный перечень актов (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

Содержание абзацев третьего и четвертого пункта 14 Протокола... указывает на конкретную форму акта Комиссии – *решение по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках* (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

Апелляционная палата Суда отмечает, что норма абзаца второго пункта 14 Протокола является отсылочной, устанавливает, что акты, действия (бездействие) Комиссии в сфере конкуренции оспариваются в Суде Союза в порядке, предусмотренном Статутом Суда с учетом положений Протокола. Положения Протокола предусматривают лишь такие изъятия из порядка, установленного Статутом Суда, как принятие заявления об обжаловании решения Комиссии по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках без предварительного досудебного урегулирования спора и приостановление его действия в случае обжалования в Суд (абзацы третий и четвертый пункта 14 Протокола) (пункт 5.1.2 решения

¹⁹ Речь идет о Протоколе об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о Союзе).

Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

Регулятивная сфера действия пункта 14 Протокола направлена на условия, порядок применения, исполнения и оспаривания актов и действий, содержащих *обязательные для нарушителя требования, подлежащие исполнению* (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

Толкование положений абзаца второго пункта 14 Протокола во взаимосвязи с положениями иных абзацев данного пункта позволяет Апелляционной палате Суда заключить, что использование в нем термина *«акты»* обусловлено требованиями юридической техники по исключению повторного указания видов решений Комиссии, краткому обозначению соответствующих решений. При этом следует отметить, что в пункте 14 Протокола не упомянуты определения о проведении расследований и определения о возбуждении и рассмотрении дел, *не содержащие обязательных требований или ограничений для хозяйствующего субъекта*²⁰ (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

об оценке Судом решений (действий, бездействия) Комиссии на их соответствие праву Союза

[Б]ез оценки соответствия решения Комиссии праву Союза не представляется возможным установить факт нарушения прав и законных интересов субъекта хозяйствования, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза (пункт 7.2.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

²⁰ «Вынесенные Комиссией определения о проведении расследования и о возбуждении и рассмотрении дела *носят процедурный характер* и направлены на упорядочение деятельности Комиссии по реализации ею своих полномочий по контролю и пресечению нарушений общих правил конкуренции» (пункт 5.1.4. Решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

Суд полагает, что нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь *только действие (применение) решения Комиссии, не соответствующего праву Союза*. Поэтому проверке факта нарушения прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, должно предшествовать *осуществление проверки правомерности оспариваемого акта Комиссии* (пункт 7.2.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

Проверка Судом правомерности решения Комиссии или его отдельных положений означает оценку содержания оспариваемого решения Комиссии на предмет соответствия правовым нормам Договора и (или) международных договоров в рамках Союза (пункт 7.2.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

[П]ри проверке оспариваемого решения Комиссии Суд.... вправе проверить его на соответствие ГС²¹ (пункт 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

[П]ри рассмотрении спора на основании пункта 1 статьи 45 Регламента Судом осуществляется *проверка оспариваемого бездействия* на соответствие Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, что предполагает выяснение невыполненной Комиссией обязанности (действия), а также правовых оснований для ее выполнения (пункт 5.2.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 июля 2021 года по делу акционерного общества «СУЭККУЗБАСС» к Евразийской экономической комиссии).

**По вопросу о понимании «права Евразийского экономического союза».
Его реализация (применение) государством – членом Союза, Судом
Евразийского экономического союза**

[С]одержание понятия «право Союза» подлежит разъяснению в контексте рассмотрения системы права, призванной обеспечивать *наднациональный характер правового регулирования функционирования Союза* (пункт 1 консультативного заключения от 10 июля 2018 года по заявлению Республики

²¹ Гармонизированная система описания и кодирования товаров.

Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

В практике Суда сформулированы критерии отнесения правовых норм Союза к категории «*наднациональное регулирование*»:

- 1) наличие унифицированного правового регулирования;
- 2) передача государствами – членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий (консультативное заключение от 4 апреля 2017 года *по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь*).

В соответствии с пунктом 50 Статута Суд при осуществлении правосудия применяет:

общепризнанные принципы и нормы международного права;
договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора;

решения и распоряжения органов Союза;
международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы (раздел IV консультативного заключения от 30 октября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Статья 3 Договора устанавливает *основные принципы осуществления деятельности государствами – членами Союза на основе уважения общепризнанных принципов международного права*, включая

принципы суверенного равенства государств – членов и их территориальной целостности;

уважение особенностей политического устройства государств – членов;

обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия, учета национальных интересов Сторон;

соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции;

функционирования таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов (пункт 1 консультативного заключения от 30 октября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Договора *право Союза составляют:*

Договор;

международные договоры в рамках Союза;

международные договоры Союза с третьей стороной;
решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Согласно статье 2 Договора

«международные договоры в рамках Союза» – международные договоры, заключаемые между государствами – членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза;

«международные договоры с третьей стороной» – международные договоры, заключаемые с третьими государствами, интеграционными объединениями и международными организациями;

«распоряжение» – акт, принимаемый органами Союза, имеющий организационно – распорядительный характер;

«решение» – акт, принимаемый органами Союза, содержащий положения нормативно – правового характера (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2018 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

В Договоре используется обобщающий термин *«международные договоры, составляющие право Союза»* для общей ссылки на международные договоры, в соответствии с которыми осуществляется регулирование соответствующих отношений в Союзе (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2018 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[И]сходя из смысла Договора, в рамках ЕАЭС существуют

международные договоры и акты, которые *составляют* право Союза (пункт 1 статьи 6 Договора),

международные договоры, заключенные в рамках ТС и ЕЭП²², которые *входят* в право Союза (пункт 1 статьи 99, пункт 1 статьи 101 Договора),

и решения, принятые в рамках ТС и ЕЭП, которые сохраняют свою юридическую силу (пункт 2 статьи 99 Договора).

В связи с этим Большая коллегия отмечает, что словосочетания *«составляют право»*, *«входят в право»* и *«сохраняют свою юридическую силу»* обозначают, что *соответствующий договор или акт включается в право Союза* (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2018 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

²² Единое экономическое пространство.

Учитывая, что по общему правилу международные договоры и иные нормативные правовые акты не имеют обратной силы, для осуществления правосудия может потребоваться применение правовых актов, которые не входят в право Союза, но действовали в момент возникновения спорных правоотношений (пункт VI решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии).

о «международных договорах, не являющихся международными договорами в рамках Союза или международными договорами Союза с третьей стороной», как часть права Евразийского экономического союза

[М]еждународный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза *при наличии двух кумулятивных условий:*

1) все государства – члены ЕАЭС являются участниками международного договора;

2) сфера действия международного договора относится к области *единой* политики в рамках ЕАЭС (пункт 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

Проверка международного договора, стороной которого не является интеграционное образование, на соответствие критериям подписания всеми государствами – членами и передачи соответствующих полномочий на наднациональный уровень является устоявшейся международной практикой для признания такого международного договора обязательным для интеграционного образования (пункт 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

Конвенция о ГС²³ наряду с правом Союза подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в рамках ЕАЭС (раздел «Применимое право» решения Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

²³ Здесь и далее – Международная конвенция о гармонизированной системе описания и кодирования товаров (Брюссель, 14 июня 1983 года). Российская Федерация является участником указанного международного договора.

решения Евразийской экономической комиссии как часть права Союза

В силу пункта 1 статьи 6 Договора *решения Комиссии составляют право Союза*. Согласно пункту 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) *решения Комиссии имеют нормативно – правовой характер, обязательны для государств – членов, входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов (пункт 7 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).*

[Государства – участники обязаны] исполнять решения Комиссии, а при несогласии с ними – ... обжаловать данные решения в установленном правом Союза порядке. Неисполнение решений Комиссии, вступивших в законную силу и не оспоренных в установленном порядке, не согласуется с Договором (пункт 7 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Р]ешения Евразийской экономической комиссии... имеют нормативно–правовой характер, т.е. устанавливают общеобязательные, формально–определенные правила поведения, из которых вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия данные правила призваны регулировать в качестве образца поведения (пункт 2 консультативного заключения от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

технические регламенты Евразийского экономического союза как часть права Союза

В соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 6 Договора утверждаемые решением Комиссии *технические регламенты Союза входят в право Союза и не должны противоречить положениям Договора*. В силу нормы пункта 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) *технические регламенты имеют нормативно-правовой характер, обязательны для государств – членов и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов. Кроме этого, согласно норме абзаца первого пункта 2 статьи 52 Договора они имеют прямое действие на территории Союза*

(пункт 3 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

об актах, принятых в рамках Евразийского экономического сообщества и включаемых в право Евразийского экономического союза

Пункты 1 и 2 статьи 99 Договора устанавливают *два обязательных условия*, при которых в праве Союза действуют и сохраняют свою юридическую силу *международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы ТС и ЕЭП*, а также *решения Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств и ЕЭК*:

– действуют на момент вступления в силу Договора, т.е. на 1 января 2015 года;

– не противоречат Договору.

По мнению Большой коллегии, в переходных положениях Договора в отношении актов в целом и решений Комиссии в частности применен *принцип преемственности правового регулирования* при соблюдении указанных выше условий. Данный вывод подтверждается правовой позицией, сформулированной в решении Коллегии Суда от 28 декабря 2015 года по заявлению индивидуального предпринимателя Тарасика К.П., согласно которой *в основу Договора были положены результаты кодификации договорно-правовой базы ТС и ЕЭП*. Договор о Союзе в статье 99 предусматривает *преемственность системы права* при развитии евразийских экономических интеграционных процессов от ТС и ЕЭП к Союзу. При соблюдении условий, установленных Договором о Союзе, *в рамках Союза продолжают действовать международные договоры ТС и ЕЭП и решения Комиссии, заключенные и принятые до начала функционирования Союза, в качестве правовых актов, составляющих право Союза* (пункт 3 консультативного заключения от 10 июля 2018 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).²⁴

²⁴ В отношении преемственности правового регулирования пункт 1 статьи 99 Договора о Союзе устанавливает, что международные договоры государств – членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы ТС и ЕЭП, действующие на дату вступления в силу Договора, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей Договору. В соответствии с переходными положениями в отношении раздела VIII Договора о Союзе (статья 101 Договора о Союзе) до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года и иными международными договорами государств – членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы ТС и ЕЭП и входящими в соответствии со статьей 99 Договора

Большая коллегия учитывает правовую позицию, сформированную Судом ЕврАзЭС²⁵ в решении от 10 июля 2013 года по делу по запросу Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, в соответствии с которой «государства – члены Таможенного союза создали Комиссию Таможенного союза как регулирующий орган, обладающий наднациональными функциями, добровольно переданными Сторонами, с правом принятия решений, имеющих обязательный характер на территории Таможенного союза». Большая коллегия констатирует, что также как и решения ЕЭК, созданной в соответствии с Договором о ЕЭК, *решения КТС, не противоречащие Договору о Союзе, подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов* (пункт 5 консультативного заключения от 10 июля 2018 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

По вопросу о толковании и применении Судом права Союза

В силу пункта 1 статьи 31 Венской конвенции Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. В силу подпункта б) пункта 2 статьи 31 Венской конвенции для целей толкования договора *контекст охватывает*, кроме текста, включая преамбулу и приложения, любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору (пункт 3.1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[П]оложения пункта 102 Статута Суда *не ограничивают Суд в толковании положений права Союза с использованием широкого круга источников, предусмотренных пунктом 50 Статута Суда* (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии*).

о Союзе в право Союза, с учетом положений статьи 101 Договора о Союзе (раздел VI решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

²⁵ Здесь и далее – Евразийское экономическое сообщество.

Руководствуясь пунктом 50 Статута, Большая коллегия осуществляет разъяснение положений Договора *в их системной взаимосвязи между собой на основе общепризнанных принципов и норм международного права с учетом положений статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года*. При разъяснении международно-правовых норм Большая коллегия, следуя принципу *stare decisis*²⁶, основывается на правовых позициях, ранее сформулированных Судом (консультативное заключение от 10 июля 2018 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).²⁷

По мнению Коллегии Суда, правовые позиции и судебная практика иных судов могут учитываться при вынесении решений по аналогичным вопросам, что соответствует принципу *persuasive precedent* (убедительный прецедент), согласно которому *отдельные судебные решения и выраженные в них точки зрения сами по себе не создают прецедента, однако принимаются во внимание при вынесении последующих судебных актов* (пункт 2 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года *по делу индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

В силу подпункта 1 пункта 50 Статута Суд при осуществлении правосудия, которое включает и предоставление консультативного заключения, применяет общепризнанные принципы и нормы международного права. При вынесении судебного акта Суд основывается *на общих конституционных традициях государств – членов Союза, а также международных соглашениях о защите прав человека* (пункт 7 консультативного заключения от 18 июня 2019 года *по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29*).

²⁶ Придерживаться ранее принятого прецедента.

²⁷ «Относительно содержания статьи 50 Статута Суда следует отметить, что Комиссия ошибочно отождествляет понятие «право Союза», установленное в статье 6 Договора, и понятие «применимое право», регламентированное в пункте 50 Статута Суда. Суд при рассмотрении дел *в качестве дополнительных средств уяснения содержания* правовых норм применяет широкий круг источников, в том числе правовые позиции, выработанные Судом в своей практике» (пункт 5.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года *по делу общества с ограниченной ответственностью «Шинтрейд» к Евразийской экономической комиссии*).

Соотнесение Апелляционной палатой выводов Коллегии Суда с положениями вышеуказанной *Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН*²⁸ осуществлено в рамках учета *в качестве вспомогательного средства* для определения правовых норм положений акта главного органа ООН, содействующего формированию и закреплению норм и принципов международного права (пункт 8.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

Коллегия Суда для целей интерпретации положений ТН ВЭД ЕАЭС учитывает *Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза...*, являющиеся Приложением № 1 к рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 21 (пункт 5.4 решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии*).²⁹

В соответствии со статьей 6 Договора право Союза составляет единую систему. Следовательно, в отсутствие специальных норм, регулирующих определенную сферу отношений, следует руководствоваться понятиями в их обычном значении, используемым в применимых актах права Союза (пункт 5.5 решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии*).

В отношении таможенной классификации в случае отсутствия специальных терминов и определений в текстах позиций, субпозиций, Примечаниях и Пояснениях следует принимать во внимание также положения *документов, указанных в подпункте «г» пункта 5³⁰, подпункте «б» пункта 6³¹ Порядка*

²⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/66/100 от 9 декабря 2011 года «Ответственность международных организаций».

Режим доступа: <https://www.un.org/ga/66/docs/66res1.shtml>

²⁹ «Коллегия Суда для целей обеспечения единообразия интерпретации положений ТН ВЭД ЕАЭС учитывает Пояснения к ней, являющиеся одним из важных вспомогательных рабочих материалов» (пункт 5.1.3. Решения Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года по делу *общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» к Евразийской экономической комиссии*).

³⁰ В силу приведенного положения «[к] обращению, вносимому в Комиссию в инициативном порядке, прилагаются... документы, содержащие описание отдельного вида товара, его функционального назначения и характеристик, необходимых для его классификации по ТН ВЭД ЕАЭС, а также в зависимости от характера отдельного вида товара – информацию об области его использования и его основных свойствах

подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного решением от 2 декабря 2013 года № 284...», в том числе в этих целях могут быть использованы технические регламенты и стандарты как унифицированные требования к характеристикам товара Союза (пункт 5.5 решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

[П]редварительные решения таможенных органов государств – членов Союза, Европейского союза не имеют общего характера и не могут быть приняты *в качестве доказательства всеобщей практики* данных государств (пункт 5.2.2 решения Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии).

Наличие неопределенности наносит ущерб целям и объекту Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза (пункт 5.7 решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).³²

(например, техническая документация, информация от производителя о количественном и качественном составе товара, другие документы, характеризующие товар)».

³¹ В соответствии с приведенным положением «[к] обращению, вносимому в Комиссию на основании решения Объединенной коллегии, документы прилагаются в зависимости от оснований инициирования Объединенной коллегией принятия решения Комиссии о классификации... в иных случаях к обращению прилагаются:

документы, указанные в подпунктах «а», «б» и «г» пункта 5 настоящего Порядка; решение Объединенной коллегии;

письма (копии писем) остальных таможенных органов с изложением подходов этих органов к классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС (если в решении Объединенной коллегии не изложены их мнения) либо копии запроса (запросов) таможенного органа, внесшего обращение, о представлении информации о применяемых остальными таможенными органами подходах к классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС (если по истечении 3 месяцев с даты направления запроса (запросов) ответ в письменной форме не поступил)».

³² «Изложенные обстоятельства свидетельствуют, что вопреки требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования, вытекающим из общих принципов международного права и международных договоров, заключенных в рамках Союза, Комиссия в оспариваемом решении не детализировала общие характеристики и особенности товара, позволяющие соотнести его с наименованием субпозиции 8408 90 Товарной номенклатуры, текстами примечаний и пояснений» (пункт 5.7 решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

о толкования и применении Судом *отдельных* международных договоров

Гармонизированная система описания и кодирования товаров принята в качестве приложения к Конвенции о ГС. В соответствии с пунктом а) статьи 1 Конвенции о ГС *Гармонизированная система* описания и кодирования товаров, именуемая в дальнейшем *Гармонизированная система*, *означает Номенклатуру, включающую в себя товарные позиции, субпозиции и относящиеся к ним цифровые коды, примечания к разделам, группам и субпозициям*, а также Основные правила интерпретации *Гармонизированной системы*, приведенные в приложении к данной Конвенции (пункт 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к *Евразийской экономической комиссии*).

[П]рямая отсылка в праве Союза к ГС свидетельствует, что *Гармонизированная система обязательна к применению* (пункт 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к *Евразийской экономической комиссии*).

Обязательства Сторон в отношении ГС в рамках Конвенции о ГС определены подпунктом «а» пункта 1 статьи 3 данной Конвенции, предусматривающим, что каждая Договаривающаяся Сторона обязуется, за исключением случаев применения положений подпункта «с» указанного пункта, *что ее таможенно-тарифная и статистические номенклатуры будут соответствовать Гармонизированной системе с момента вступления Конвенции о ГС в силу по отношению к этой Договаривающейся Стороне*. Тем самым она обязуется по отношению к своим таможенно-тарифной и статистическим номенклатурам:

i) использовать все товарные позиции и субпозиции *Гармонизированной системы*, а также относящиеся к ним цифровые коды без каких – либо дополнений или изменений;

ii) применять основные правила интерпретации ГС, а также все примечания к разделам, группам, товарным позициям и субпозициям и не изменять содержания разделов, групп, товарных позиций или субпозиций ГС;

iii) соблюдать порядок кодирования, принятый в ГС (пункт 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к *Евразийской экономической комиссии*).

Пункт 1 статьи 3 Конвенции о *Гармонизированной системе* определяет, что вне пределов указанных обязательств участники Конвенции *обладают*

дискрецией по классификации отдельных видов товаров, что не исключает различные подходы к их отнесению в определенные товарные субпозиции и подсубпозиции таможенно-тарифных номенклатур (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

[Н]еобходимо учитывать сопоставимость классификационных характеристик (основных свойств и функционального назначения) товара, указанного в решении Комиссии, и товара, указанного в Классификационном мнении (решении) Комитета по ГС, а также пределы усмотрения (дискреции) Комиссии при принятии решения о классификации отдельных видов товаров (пункт 5.1.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

Суд применяет положения Конвенции о ГС при осуществлении правовой оценки правовых актов и фактических обстоятельств дела (пункт 5.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

Сфера действия Женевского соглашения³³ распространяется исключительно на государства, участвующие в данном соглашении. Порядок и правила применения, контроль за его исполнением на национальном уровне осуществляется в соответствии с данным соглашением и правом каждого конкретного государства – участника согласно статье 26 Венской конвенции о том, что каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (пункт 9.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 года по делу индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии).

³³ Соглашение о принятии единообразных технических предписаний для колесных транспортных средств, предметов оборудования и частей, которые могут быть установлены и/или использованы на колесных транспортных средствах, и об условиях взаимного признания официальных утверждений, выдаваемых на основе этих предписаний от 20 марта 1958 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора. По состоянию на 1 октября 2022 года данное Соглашение официально опубликовано не было.

**о классификационных мнениях (решениях) Комитета по
гармонизированной системе, действующего в рамках Международной
конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования
товаров от 14 июня 1983 года, как средствах интерпретации
Гармонизированной системы**

Применительно к доводам жалобы о нарушении Конвенции о ГС оспариваемым решением ЕЭК № 117 в связи с противоречием принятому на 34 сессии *Классификационному мнению (решению) Комитета по ГС* в части подпунктов б) и в) пункта 1 статьи 7 и пункта 2 статьи 8 Конвенции о ГС, Апелляционная палата Суда отмечает: из содержания указанных норм не следует, что *Классификационные мнения (решения) Комитета по ГС имеют обязательную силу; в данных нормах не содержится обязательство Сторон принимать акты, соответствующие Классификационным мнениям (решениям) Комитета по ГС, в сфере таможенно-тарифного регулирования.* (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

Такой вывод [о том, что классификационные мнения (решения) Комитета по ГС не имеют обязательную силу; в нормах международного права не содержится обязательство Сторон принимать акты, соответствующие классификационным мнениям] подтверждается анализом подпунктов «б» и «в» пункта 1 статьи 7 Конвенции о ГС, в соответствии с которым *Комитет по ГС не обладает компетенцией по принятию юридически обязательных для государств – участников Конвенции о ГС актов.* Комитет по ГС разрабатывает Пояснения, Классификационные мнения (решения) и прочие рекомендации, необходимые для интерпретации ГС; разрабатывает рекомендации с целью обеспечения единообразных интерпретации и применения ГС. Наряду с Пояснениями к ГС Классификационные мнения (решения) Комитета по ГС следует считать *актами рекомендательного характера,* не обладающими обязательной юридической силой, но призванными обеспечить единообразное толкование и применение Гармонизированной системы (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

Предусмотренная в пункте 2 статьи 8 Конвенции о ГС процедура утверждения Советом подготовленных Комитетом Пояснений к ГС, Классификационных мнений (решений) и иных рекомендаций *является внутренней процедурой Всемирной таможенной организации, которая не влечёт за собой придание этим документам обязательной юридической силы для государств – участников Конвенции о ГС* (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза

от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

В соответствии с изложенным Пояснения, Классификационные мнения (решения) Комитета по ГС и прочие рекомендации, необходимые для интерпретации ГС, рекомендации с целью обеспечения единообразных интерпретации и применения ГС, названные в подпунктах «б» и «в» пункте 1 статьи 7 Конвенции о ГС, *не носят обязательного характера для Сторон Конвенции о ГС*; соответственно, несоблюдение (невыполнение) таких актов не может квалифицироваться как нарушение Конвенции о ГС (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).³⁴

Поскольку Пояснения, Классификационные мнения (решения) и прочие рекомендации, принимаемые Комитетом по ГС, не являются частью международного договора – Конвенции о ГС, в соответствии с пунктом 2 статьи 25 Договора и статьей 51 ТК ТС, *они не могут являться и международной основой ТН ВЭД ЕАЭС*. Следовательно, предусмотренное подпунктом 2 пункта 4 статьи 51 ТК ТС *требование о приведении ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с ее международной основой не включает в себя обязанности по приведению ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с Пояснениями, Классификационными мнениями (решениями) или иными актами рекомендательного характера Комитета по ГС* (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

Классификационные мнения (решения) Комитета по ГС, не являясь юридически обязательными актами, *способны оказать существенную помощь в определении объема правового регулирования товарных позиций ГС и ТН ВЭД ЕАЭС* (пункт 5.1.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

[И]сходя из подпункта «в» пункта 1 статьи 7 и пункта 2 статьи 8 Конвенции [о ГС] *классификационные мнения* представляют собой рекомендации, целью которых является обеспечение единообразной интерпретации и применения Гармонизированной системы. *Классификационные мнения*, имеющие рекомендательный характер и необходимые для интерпретации

³⁴ Данный подход согласуется с устоявшейся международной судебной практикой (пункт 5.1.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

Гармонизированной системы, *не являются частью Гармонизированной системы, и на Договаривающиеся стороны не возлагается обязанность по их применению.* Классификационное мнение Комитета по Гармонизированной системе подлежит добровольному и добросовестному соблюдению государствами – участниками Конвенции с учетом того, что оно возникло при их непосредственном участии и согласии (пункт 7.2.4 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

[И]мея в виду, что классификационное мнение не имеет юридически обязательной силы, а решение Комиссии о классификации товара является юридически обязательным источником права Союза, *решение Комиссии не подлежит проверке на соответствие классификационному мнению.* Одновременно классификационное мнение, хотя и не порождает для Союза юридических обязательств, *тем не менее имеет важную роль в выявлении нормативного содержания текстов товарных позиций, являясь значимым источником толкования Гармонизированной системы и принятой на ее основе ТН ВЭД ЕАЭС* (пункт 7.2.4 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).³⁵

о значении решений Суда Евразийского экономического сообщества для практики Суда Евразийского экономического союза

[Р]ешени[я] Суда Евразийского экономического сообщества... в силу пункта 3 статьи 3 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 года продолжают действовать в прежнем статусе. Данное обстоятельство позволяет Коллегии Суда использовать практику Суда ЕвразЭС в качестве *stare decisis* (раздел «Применимое право» решения Суда Евразийского экономического союза

³⁵ В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Договора решения Комиссии, принятые в рамках полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза, входят в право Союза. Исходя из пункта 7 статьи 52 Таможенного кодекса и пункта 13 Положения о Комиссии, решение Комиссии о классификации товара является юридически обязательным источником права Союза. Пунктом 1 статьи 45 Регламента установлено, что при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд в судебном заседании осуществляет проверку оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза (пункт 7.2.4 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

от 4 апреля 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

**По вопросу о понимании (толковании) Судом Евразийского
экономического союза отдельных терминов (определений)**

**«скоординированная, согласованная и единая политика», осуществляемая
Союзом и государствами – членами Союза**

Статьей 1 Договора установлено, что в Союзе реализуется *скоординированная, согласованная или единая политика*, что предопределяет *различную степень единообразия правового регулирования* (пункт 1 консультативного заключения от 30 октября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Согласно статье 2 Договора

единая политика – это политика, предполагающая применение государствами – членами *унифицированного правового регулирования*, в том числе на основе решений органов Союза.

Скоординированная политика – политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств – членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором.

Согласованная политика – политика, осуществляемая государствами, предполагающая гармонизацию национального правового регулирования. Следовательно, Договор предусматривает, что в Союзе путем реализации указанных видов политик предусмотрена *различная степень интеграции в зависимости от конкретных сфер отношений* (пункт 1 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Для отнесения определенной сферы к *единой политике* требуется

наличие унифицированного правового регулирования,

а также передача государствами – членами Союза компетенции в определенной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий (пункт 1 консультативного заключения от 30 октября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[П]онятия «*скоординированная политика*» и «*согласованная политика*» не равнозначны и применительно к конкретной отрасли экономики, определенной Договором, государства – члены реализуют либо

скоординированную, либо согласованную политику. Это подтверждается нормами – определениями, содержащимися в статье 2 Договора, согласно которым, *если скоординированная политика предполагает осуществление только сотрудничества* государств – членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, то согласованная политика практически осуществляется государствами – членами в различных сферах и *предполагает гармонизацию правового регулирования*, в том числе на основе решений Союза (пункт 1 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

«гармонизация» и «унификация» законодательства государств – членов Союза

[С]татья 2 Договора о Союзе определяет *гармонизацию законодательства* как сближение законодательства государств – членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах. В той же статье дается определение *унификации законодательства* государств – членов, то есть государства – члены не только не отождествляют эти два понятия, но и отграничивают гармонизацию от унификации, определяя унификацию как сближение законодательства государств – членов, направленное на *установление идентичных механизмов* правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором о Союзе (пункт 9.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

Договор о Союзе, являясь международным договором, учитывающим права и интересы суверенных субъектов международного права и отражением достигнутого ими соглашения, определяет *сближение законодательств государств – членов как процесс, а не одномоментный акт, со вступлением которого в силу все государства – члены одновременно начинают применять унифицированные нормы права во всех сферах экономической и иной хозяйственной деятельности*. На данном этапе интеграции в Договоре о Союзе речь идет о *гармонизации законодательств* государств – членов, а не об их *унификации* (пункт 9.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

«коммерческая (предпринимательская) деятельность», «хозяйствующий субъект»

Коммерческая деятельность... является синонимом предпринимательской деятельности, осуществление которой по законодательству государств-членов Евразийского экономического союза возможно только с момента регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя или создания юридического лица (пункт 6 консультативного заключения от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[П]редпринимательской (коммерческой) является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Субъектами предпринимательской деятельности являются юридические лица и физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (пункт 6 консультативного заключения от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 год).

В соответствии с частью 2 подпункта 2 пункта 39 Статута Суда, под *хозяйствующим субъектом* понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства – члена (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

Обозначенные истцом возможные репутационные последствия во взаимоотношениях с контрагентами, а также непрогнозируемый риск наступления неблагоприятных последствий являются *составляющими предпринимательской деятельности* (пункт 5.1.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2022 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» к Евразийской экономической комиссии*).

«отдельный вид товара»

[П]од отдельным видом товара понимается совокупность товаров, имеющих общие классификационные признаки, позволяющие отнести товары

конкретных наименований, марок, моделей, артикулов, модификаций и иных подобных индивидуальных характеристик к одному классификационному коду по ТН ВЭД ЕАЭС (пункт 7.1.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

«конкуренция»

Под конкуренцией в праве Союза понимается состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке (подпункт 8 пункта 2 Протокола³⁶) (пункт 1 консультативного заключения от 17 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).

«естественная монополия»

[С]ущность естественной монополии заключается в ее соответствии той рыночной ситуации, когда эффективное производство и распределение любого объема продукции или услуги возможно лишь при наличии единственного производителя, а величина издержек, при определенном уровне производства, для одного производителя меньше, чем для двух и более. Наличие конкурентов в этом случае ведет к неоправданным затратам на создание параллельной инфраструктуры. Такая рыночная ситуация возможна только в результате особенностей технологии, уникальности продукции и ресурсов, услуг, предоставляемых ими, и высоких барьеров входа на рынок, которые автоматически делают хозяйствующий субъект естественным монополистом и определяют его правовой статус (пункт 4 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).³⁷

³⁶ Приложение № 19 к Договору – Протокол об общих принципах и правилах конкуренции.

³⁷ Согласно норме – определению, содержащейся в пункте 2 Протокола о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий,

«трудовая деятельность»

Под «*трудовой деятельностью*» понимается деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора, осуществляемая на территории государства трудоустройства в соответствии с законодательством этого государства (пункт 3 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

«бездействие»

Юридически значимое бездействие – это регламентированное правом пассивное поведение субъекта, выраженное в неиспользовании лицом предоставленных ему возможностей либо несовершении им обязательных действий (пункт 2 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

Бездействие противоправно, если право предписывает, обязывает субъекта действовать в соответствующих ситуациях определенным образом, *однако он воздерживается, не выполняет своих обязанностей* (пункт 2 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

[О]тказ действовать, как бы ясен он ни был, может быть обжалован в Суд до тех пор, пока не прекращено бездействие» (пункт 2 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

являющегося Приложением № 20 к Договору (далее – Приложение № 20 к Договору), естественная монополия – состояние рынка услуг, при котором создание конкурентных условий для удовлетворения спроса на определенный вид услуг невозможно или экономически нецелесообразно в силу технологических особенностей производства и предоставления данного вида услуг (пункт 4 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

[В] общем смысле «*неправомерное бездействие*» – это неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности, оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа (должностного лица) (пункт 2 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

Обязанность совершения испрашиваемого заявителем действия должна следовать из общих принципов и норм международного права, решений органов интеграционного объединения (пункт 2 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

[С]убъект обращения может обжаловать бездействие, но Суд устанавливает (проверяет) не только наличие указанного права, *но и наличие или отсутствие у Комиссии корреспондирующей этому праву обязанности* (пункт 8.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

[Н]есогласие Комиссии с доводами и аргументами хозяйствующего субъекта не является основанием для мониторинга и не относится к неправомерному бездействию (пункт 5.2.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 июля 2021 года по делу *акционерного общества «СУЭККУЗБАСС» к Евразийской экономической комиссии*).

[Н]есогласие хозяйствующего субъекта с решениями национальных судов не может являться основанием для совершения Комиссией юридически значимых действий (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

«свобода»

[Т]ермин «свобода» означает не только собственно свободу осуществлять те или иные действия, но и весь комплекс прав и обязанностей, связанных с

такой свободой и закрепленных в праве Союза, и национальном законодательстве государств – членов Союза (пункт 2 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

«ограничение» прав и свобод (в сфере трудовых правоотношений)

Понятие «ограничения» может распространяться на меры, которые затрудняют или удерживают граждан государств – членов Союза от реализации своего права на осуществление трудовой деятельности в ином государстве – члене (пункт 6 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

По вопросу о соотношении права Евразийского экономического союза и права государства – члена Союза

[С]татья 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года³⁸ предусматривает, что каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (принцип *pacta sunt servanda*). Согласно статье 27 Венской конвенции запрещается ссылаться на положения внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения договора (пункт 1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

[П]ри возникновении коллизии между регулирующими таможенные отношения нормами права Союза и положениями законодательства Российской Федерации подлежит применению право Союза... на основании Договора, а также части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии).

³⁸ Далее также – Венская конвенция о праве международных договоров, Венская конвенция.

[В] связи с закрепленной в преамбуле Договора приверженностью безусловному соблюдению принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина *уровень таких прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах – членах* (пункт 3.1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

Договором установлен следующий подход к применению актов, составляющих право Союза. Согласно абзацу шестому пункта 1 статьи 6 Договора *решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами – членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством* (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2018 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

При соблюдении указанных условий³⁹ в сферах, относящихся к исключительной компетенции Союза, *обеспечивается приоритет права Союза над национальными правовыми актами*. Это, в том числе, означает, что по вопросам, переданным на наднациональный уровень регулирования, государства – члены обязаны воздерживаться от принятия национальных правовых актов, противоречащих нормам права Союза. В отношении наднациональных актов Союза установлено правило непосредственного их применения (пункт 5 консультативного заключения от 10 июля 2018 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[Г]осударства – члены Союза, согласно абзацу третьему преамбулы Договора, руководствуются необходимостью безусловного соблюдения *принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина*. В этом отношении права и гарантии, которыми субъекты наделяются в силу отсылки к национальному праву, направлены на

³⁹ «В практике Суда сформулированы критерии отнесения правовых норм Союза к категории «наднациональное регулирование»:

- 1) наличие унифицированного правового регулирования;
- 2) передача государствами – членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий» (см. консультативное заключение от 4 апреля 2017 года *по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь*).

контекстную реализацию основных прав и свобод (пункт 7 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[Л]юбые действия уполномоченных органов государств – членов *в сфере конкуренции*, в том числе по принятию национальных нормативных правовых актов, должны быть совместимы с правом Союза, а противоречия между положениями права Союза и национальными нормами в сфере конкуренции разрешаются с учетом приоритета права Союза (пункт 1 консультативного заключения от 18 июня 2019 года *по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29*).

По вопросу о техническом регулировании (принятие *технических регламентов*) в Евразийском экономическом союзе

общие положения

Пункт 2 Протокола⁴⁰ определяет, что *технический регламент Союза* – это документ, принятый Комиссией и устанавливающий обязательные для применения и исполнения на территории Союза требования к объектам технического регулирования (пункт 2 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[Т]ехническое регулирование связано с разработкой и использованием *техничко-юридических норм* в целях упорядочения отношений в сферах производства и обращения продукции (пункт 1 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).⁴¹

⁴⁰ Здесь и далее – Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

⁴¹ Согласно пункту 2 Протокола [о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)] *«техническое регулирование»* – правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам

Согласно абзацу первому пункта 1 статьи 52 Договора в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения в рамках Союза принимаются технические регламенты. Запретительная норма абзаца второго пункта 1 статьи 52 Договора не допускает принятие технических регламентов Союза в иных целях (пункт 2 консультативного заключения от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Абзац первый пункта 1 статьи 53 Договора содержит императивное предписание о том, что «продукция, выпускаемая в обращение на территории Союза, должна быть безопасной». При этом согласно норме – определению пункта 2 Протокола, безопасность – это «отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью причинения вреда и (или) нанесения ущерба» (пункт 4 консультативного заключения от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Т]ребование о безопасности носит общий характер и относится ко всей продукции, выпускаемой в обращение независимо от включения ее в единый перечень и наличия в ее отношении соответствующего технического регламента (пункт 4 консультативного заключения от 31 октября 2019 года

проектирования (включая изыскания),
производства,
строительства,
монтажа,
наладки,
эксплуатации,
хранения,
перевозки,

реализации и утилизации, а также правовое регулирование отношений в области оценки соответствия. В свою очередь, понятие *продукции*, согласно норме–определению пункта 2 Протокола, определяется как результат деятельности, представленный в материально–вещественной форме и предназначенный для дальнейшего использования в хозяйственных и иных целях (пункт 1 консультативного заключения от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

В положениях Договора *не уточняется вид акта Комиссии*, в форме которого принимается технический регламент Союза. Однако анализ всей совокупности норм раздела X Договора, приложений № 1 (Положение о Евразийской экономической комиссии) и № 9 (Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза) к нему показывает, что *такowymi могут быть только решения Евразийской экономической комиссии, которые имеют нормативно–правовой характер, т.е. устанавливают общеобязательные, формально–определенные правила поведения, из которых вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия данные правила призваны регулировать в качестве образца поведения* (пункт 2 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

***о действии технических регламентов в отношении продукции,
включенной в единый перечень***

Абзац четвертый пункта 1 статьи 52 Договора устанавливает, что технические регламенты Союза или национальные обязательные требования действуют *только в отношении продукции, включенной в единый перечень*, который утверждается Комиссией. Согласно абзацу шестому пункта 1 статьи 52 Договора *государства – члены не допускают установление в своем законодательстве обязательных требований в отношении продукции, не включенной в единый перечень* (пункт 3 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[Ц]елью формирования и ведения единого перечня продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Союза, и принятие в отношении данной продукции технических регламентов Союза является *преодоление технических барьеров торговле товарами в ЕАЭС* и свидетельствует об унификации технического регулирования, предполагающей замену национальных технических регламентов техническими регламентами ЕАЭС (пункт 3 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

процедура оценки соответствия выпускаемой на таможенную территорию Союза продукции техническим регламентам

[В]ыпуску продукции в обращение предшествует процедура оценки соответствия, установленная техническим регламентом. Этот вывод подтверждается также положением нормы абзаца четвертого пункта 5 Протокола, согласно которому оценка *соответствия выпускаемой в обращение продукции требованиям технических регламентов Союза осуществляется до выпуска ее в обращение* (пункт 5 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[П]роцедура оценки соответствия сама по себе предопределяет выпуск продукции в обращение. Это значит, что продукция не может быть выпущена⁴² в обращение без соответствующего заключения на ее соответствие требованиям технического регламента Союза (пункт 5 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[О]тсутствие у поставщика (лица осуществляющего ввоз) продукции, входящей в единый перечень, в отношении которой действует технический регламент Союза, *цели распространения этой продукции на территории Союза в ходе коммерческой деятельности не предполагает проверку продукции на соответствие требованиям технического регламента* (пункт 5 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[П]ри оценке соответствия заявителями *могут быть только субъекты, которые по смыслу нормы—определения пункта 2 Протокола занимаются поставкой или ввозом продукции с целью ее распространения на территории Союза в ходе коммерческой деятельности, то есть юридические лица и индивидуальные предприниматели...* [Ф]изические лица, ввозящие единичные товары для личного пользования, не могут быть заявителями при оценке соответствия (пункт 6 консультативного заключения

⁴² «Под *выпуском продукции* в обращение в пункте 2 Протокола понимается ее поставка, ввоз (в том числе отправка со склада изготовителя или отгрузка без складирования) с целью распространения на территории Союза в ходе коммерческой деятельности на безвозмездной или возмездной основе» (пункт 5 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[К]руг субъектов, обладающих правом подавать заявление на оценку соответствия продукции, ограничен двумя категориями лиц:

юридическими лицами,

физическими лицами в качестве индивидуального предпринимателя, к которым предъявляются следующие обязательные требования: они должны быть зарегистрированы на территории государства – члена в соответствии с его законодательством; они должны являться изготовителем или продавцом, либо уполномоченным изготовителем лицом (пункт 7 консультативного заключения от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Т]акой субъект как лицо, уполномоченное изготовителем, согласно нормоопределению пункта 2 Протокола также является зарегистрированным в установленном законодательством государства – члена порядке на его территории юридическим лицом или физическим лицом в качестве индивидуального предпринимателя, которые на основании договора с изготовителем, в том числе иностранным изготовителем, осуществляют действия от имени этого изготовителя при оценке соответствия и выпуске в обращение продукции на территории Союза, а также несут ответственность за несоответствие продукции требованиям технических регламентов Союза (пункт 7 консультативного заключения от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Н]аделяя изготовителя, продавца или уполномоченное изготовителем лицо правом быть заявителем при проведении оценки соответствия продукции требованиям технического регламента Союза, Договор (Протокол) исходит из того, что момент выпуска в обращение может быть связан не только с переходом прав на продукцию в связи с отправкой со склада изготовителя или отгрузки без складирования, но и с ввозом ее или поставкой с целью распространения на территории Союза в ходе коммерческой деятельности на безвозмездной или возмездной основе. Указание на осуществление коммерческой деятельности при выпуске продукции в обращение ограничивает круг субъектов, обладающих правом подачи заявления на оценку соответствия. Иное толкование, подразумевающее, что абзац седьмой пункта 5 Протокола позволяет дополнить в техническом регламенте Союза субъектный состав нормы, установленной абзацем шестым данного пункта, фактически лишает сам абзац шестой полезного действия, поскольку его отсутствие при подобном толковании никак не влияет на результат правового

регулирования правоотношения (пункт 8 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[А]бзац шестой пункта 5 Протокола имеет самостоятельный смысл – *субъектами процедуры оценки соответствия могут быть только профессиональные участники рынка – юридические лица и индивидуальные предприниматели*. Этот вывод в полной мере соответствует положениям абзаца первого пункта 2 статьи 53 Договора и пункта 2 Протокола в части вопроса выпуска в обращение продукции, которая поставляется, ввозится с целью распространения в ходе коммерческой деятельности, а также в части государственного контроля за соблюдением технических регламентов, который направлен на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований технических регламентов: юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами; физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей; их представителями (пункт 8 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

обеспечение безопасности продукции, в отношении которой технические регламенты не приняты

Что касается продукции, требования к которой не установлены техническими регламентами Союза, то согласно абзацу второму пункта 2 статьи 53 Договора правила и порядок обеспечения ее безопасности и обращения, *определяются международным договором в рамках Союза* (пункт 4 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Для объектов технического регулирования, в отношении которых не вступили в силу технические регламенты Союза, в соответствии с абзацем первым пункта 3 Протокола *действуют нормы законодательства государств – членов или актов Комиссии* (пункт 5 консультативного заключения от 31 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

По вопросу о пропорциональности принимаемых государством – членом Евразийского экономического союза мер, связанных с ограничением прав и свобод

[Р]еализация Комиссией своих полномочий возможна в тесной связи с *принципом пропорциональности* как одним из общих принципов права Союза. В целях соблюдения принципа пропорциональности следует устанавливать, *соответствует ли ограничение достижению поставленной задачи и предусматривает ли только то, что необходимо для ее достижения*. Изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что тест пропорциональности включает в себя проверку *двух компонентов*:

действительно ли предлагаемая мера (в частности, установление особенностей, изъятий из национального режима) будет способствовать в конкретной ситуации решению одной поставленных задач; пределы соразмерности указанной меры для достижения заявленной цели.

Второй компонент теста пропорциональности предполагает *подтверждение отсутствия менее ограничительных способов достижения той же цели* (пункт 2.4 консультативного заключения от 11 января 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Г]осударственные меры должны быть пропорциональны, то есть соответствовать достижению поставленных задач по обеспечению национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка и предусматривать лишь то, что необходимо для их достижения (пункт 5 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

По вопросу о понимании и реализации принципа состязательности в деятельности Суда Евразийского экономического союза

[В] соответствии с принципом состязательности, предусмотренным статьей 23 Регламента, истец обязан обосновать свои требования, а ответчик вправе представить возражения на заявленные требования; стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства и несут риск совершения или несовершения ими процессуальных действий (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

В соответствии с пунктом 101 Статута Суда *решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов*. В отмеченной норме получил отражение общепризнанный принцип *ne eat iudex ultra petita partium*, который относится к надлежащему разграничению объекта спора, по которому Суд вправе выносить решение. Данный принцип означает, что объект ограничен, с одной стороны, притязаниями (требованиями) истца (максимум) и, с другой стороны, заявлениями ответчика (минимум), то есть для интеграционного объединения не имеет значения в какой мере, в каких объемах и пределах, на основании каких доводов защищает свои нарушенные права истец. Данное правило было поддержано Международным Судом Организации Объединенных Наций, который подтвердил принцип в рамках дела *Asylum* (Дело об убежище (Колумбия/Перу) – решение Международного Суда от 20 ноября 1950 года (в запросе о толковании): «...следует учитывать принцип обязанности Суда не только ответить на вопросы, которые поставлены в окончательных возражениях сторон, но и воздержаться от решения по вопросам не включенным в данные возражения». В этой связи судебной оценке подвергаются только доводы и доказательства, приводимые в обоснование принятых к производству требований об оспаривании бездействия Комиссии, поскольку решение Суда по настоящему делу не может выходить за рамки данных требований (раздел V решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу индивидуального предпринимателя *Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

В соответствии с подпунктом «г» пункта 1 статьи 9 Регламента Суда фактические обстоятельства и доводы, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, указываются в заявлении хозяйствующего субъекта о разрешении спора. Уточнение требований и возражений сторон предусматривается подпунктом «в» пункта 1 статьи 39 Регламента Суда в рамках письменной стадии (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

[П]о смыслу норм Регламента Суда Апелляционная палата Суда не вправе исследовать новые доказательства (обстоятельства) в обоснование того же предмета спора, не представленные в установленном процессуальном порядке. *Несовершение предусмотренного Регламентом Суда процессуального действия сторонами в обоснование своих требований или возражений является их риском*, что не означает ограничение права на судебную защиту по новому основанию (пункт 4.3 решения Апелляционной

палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).⁴³

Согласно пункту 3 статьи 23 Регламента Суда стороны несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

В соответствии с пунктом 4 статьи 78 Регламента Суда в мотивировочной части решения Суда, кроме норм права, которыми руководствовался Суд, и доказательств, на которых основаны выводы Суда, указываются доводы, по которым Суд не принимает те или иные доказательства (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

⁴³ Учитывая пределы апелляционного разбирательства, Апелляционная палата Суда исследует установленные обстоятельства дела и имеющиеся в деле доказательства, относящиеся к доводам жалобы, исходя из следующего:

в соответствии с подпунктом «г» пункта 1 статьи 9 Регламента Суда фактические обстоятельства и доводы, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, указываются в заявлении хозяйствующего субъекта о разрешении спора;

согласно пунктам 1 и 3 статьи 23 Регламента Суда истец обязан обосновать свои требования, а ответчик вправе представить возражения на заявленные требования; стороны несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий; судебное разбирательство по делам о разрешении споров в Суде согласно статье 25 Регламента Суда включает две стадии судопроизводства: письменную и устную, при этом письменная стадия включает подачу в Суд заявления, представление иных документов и материалов, относящихся к спору, устная стадия – заслушивание лиц, участвующих в споре;

при этом уточнение требований и возражений сторон предусматривается подпунктом «в» пункта 1 статьи 39 Регламента Суда в рамках письменной стадии;

к состязательным документам по спору в силу пункта 1 статьи 35 Регламента Суда относятся представленные Суду лицами, участвующими в споре, или полученные Судом по инициативе сторон письменные документы, или сведения, объяснения, иные документы и материалы, на основании которых Суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования или возражения сторон, а также иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора;

дополнительные доказательства, согласно пункту 1 статьи 69 Регламента Суда, могут быть приняты Судом, если сторона обосновала невозможность их представления в Коллегию Суда по причинам, не зависящим от нее, и эти причины признаны Судом уважительными (пункт 4.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» к Евразийской экономической комиссии).

Статьей 48 Регламента установлено, что заявления и ходатайства сторон по существу заявленных требований подаются в Суд в письменной форме или излагаются устно в ходе судебного заседания, заносятся в протокол и *разрешаются непосредственно в ходе судебного заседания после заслушивания мнения другой стороны*, о чем Суд выносит соответствующее постановление (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

Пункт 2 статьи 9 Регламента возлагает на хозяйствующего субъекта обязанность при обращении в Суд указать *в заявлении требование о признании решения или действия (бездействия) ЕЭК не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза* (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

[Т]ребование хозяйствующего субъекта, *образующее предмет спора*, заключается в признании решения Комиссии не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза либо в признании действия (бездействия) не соответствующим договорам Союза (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

[Н]есогласие с вынесенным Коллегией Суда решением не является основанием для вывода о нарушении Судом принципов равенства сторон и состязательности процесса (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии).

об оценке Судом представляемых сторонами по делу доказательств в аспекте реализации принципа состязательности

В соответствии с пунктом 3 статьи 35 Регламента Суда, оценка Судом состязательных документов, а также материалов, полученных в соответствии с пунктом 55 Статута Суда, *проводится по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании материалов дела* (пункт 7.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 марта 2019 года по делу

закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии).

Документы и материалы, полученные Судом в рамках пункта 55 Статута Суда, которым установлено право Суда запрашивать необходимые для рассмотрения дел материалы у направивших заявление в Суд хозяйствующих субъектов, уполномоченных органов и организаций государств – членов, а также органов Союза, не рассматриваются *a priori* Судом в качестве доказательств, как это установлено статьей 78 Регламента Суда. *Указанные материалы оцениваются судом по критериям допустимости и относимости (самостоятельно, по внутреннему убеждению, и основываясь на всестороннем и полном рассмотрении дела) и только после этого могут быть использованы Судом при формулировании позиции по делу.* Ответы на запросы приобщаются к материалам дела, у сторон имеется процессуальная возможность ознакомиться с материалами до вынесения Судом окончательного решения, и, таким образом, Суд может дополнительно обратиться к исследованию данных материалов в случае, когда представители сторон сочтут это необходимым, и *такие материалы могут быть отнесены к состязательным документам в той мере, в которой на их основании Суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора.* Как правило, Суд упоминает такие материалы в судебных актах *в качестве дополнительного подтверждения своей аргументации и не основывает свои доводы только на таких материалах* (пункт 5.6 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

Письмо Директората по тарифам и торговле ВТамО⁴⁴.... не является классификационным мнением ВТамО и в действительности носит информационный характер (пункт 5.7 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

[В] отношении сотрудничества с ВТамО⁴⁵ по вопросам таможенной классификации Апелляционная палата Суда полагает необходимым обратить внимание Комиссии на наличие Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Всемирной таможенной организацией, подписанного 17 июня 2016 года. Меморандум предусматривает возможность обмена информацией между сторонами по

⁴⁴ Здесь и далее – Директорат по тарифам и торговле Всемирной таможенной организации.

⁴⁵ Здесь и далее – Всемирная таможенная организация.

вопросам таможенного администрирования. В этой связи указанное взаимодействие Комиссии с ВТамО может быть рассмотрено в качестве инструмента эффективного взаимодействия и получения достоверной информации в отношении таможенной классификации (пункт 5.7 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

***По вопросу об исполнении Евразийской экономической комиссией
решений Суда Евразийского экономического союза***

[Р]ешение [Суда Евразийского экономического союза] *обязательно для исполнения Комиссией* (пункт 5.2.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 июля 2021 года по делу акционерного общества «СУЭККУЗБАСС» к Евразийской экономической комиссии).

Согласно абзацу второму пункта 111 Статута Суда решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, *в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда*, приводится Комиссией в соответствии с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда. Таким образом, пункт 111 Статута Суда предусматривает пресекательный срок, в рамках которого Комиссия исполняет решение Суда. Какого-либо срока на опубликование, вступление в силу решения Комиссии за пределами срока исполнения решения Суда в 60 календарных дней право Союза не содержит (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года по делу закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии).

**Правовые позиции (практика) Суда Евразийского экономического союза
по отдельным вопросам**

***По вопросу о торговле товарами: свобода их перемещения в рамках
Евразийского экономического союза***

[П]ринцип свободы движения товаров во взаимной торговле между государствами – членами Союза и в эффективности интеграционных процессов играет важнейшую роль, наравне с принципами отсутствия дискриминации и верховенства права (пункт 2 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии

о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[О]бщие правила функционирования таможенного союза и функционирования внутреннего рынка товаров унифицированы в рамках статей 25 и 28 Договора, то есть, урегулированы правом Союза, и их можно отнести к единой политике (наднациональное регулирование) (пункт 3 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

о возможности введения государством – членом Союза ограничения на торговлю товарами

Применение мер, ограничивающих торговлю товарами на внутреннем рынке, по общему правилу, запрещается, так как это ведет к ограничению свободы движения товаров, что будет противоречить основополагающим принципам функционирования Союза:

соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции,

функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений (статья 3 Договора),

и одной из целей Союза – стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (статья 4 Договора) (пункт 4 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[П]ункт 3 статьи 28 Договора⁴⁶ предусматривает возможность исключения из общего правила ограничения движения товаров на внутреннем рынке. Такие исключительные меры предусмотрены статьей 29 Договора (пункт 4 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению

⁴⁶ В силу статьи 28 Договора «1. Союз принимает меры по обеспечению функционирования внутреннего рынка в соответствии с положениями настоящего Договора.

2. Внутренний рынок охватывает экономическое пространство, в котором согласно положениям настоящего Договора обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

3. В рамках функционирования внутреннего рынка во взаимной торговле товарами государства – члены не применяют ввозные и вывозные таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Договором».

Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Т]олкование статьи 29 Договора⁴⁷ осуществлялось в системной связи с пунктом 3 статьи 28 Договора, поскольку обе эти нормы направлены на создание системы, при которой запреты применения государством ввозных и вывозных таможенных пошлин, мер нетарифного регулирования и иных мер могут стать препятствием для функционирования внутреннего рынка (пункт 4 консультативного заключения от 30 октября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

По своей структуре статья 29 Договора состоит из трех пунктов. Анализ этой статьи показывает, что ее положениями, устанавливающими исключения из порядка функционирования внутреннего рынка, предусматривается введение государствами – членами Союза (исходя из одних и тех же оснований) *трех категорий исключений*, с соответствующими различными режимами правового регулирования.

Пунктом 1 статьи 29 Договора регулируются правоотношения, *связанные с применением во взаимной торговле ограничений, вводимых в одностороннем порядке*.

Пунктом 2 статьи 29 Договора регулируются правоотношения, *связанные с введением санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер* в порядке, определяемом разделом XI Договора.

Пунктом 3 этой же статьи Договора регулируются правоотношения, *связанные с ограничением оборота отдельных категорий товаров* на таможенной территории Союза. Большая коллегия делает вывод, что пункты

⁴⁷ Согласно статьи 29 Договора «1. Государства – члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства – члена.

2. По основаниям, указанным в [пункте 1](#) настоящей статьи, на внутреннем рынке могут быть введены также санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры в порядке, определяемом [разделом XI](#) настоящего Договора

3. По основаниям, указанным в [пункте 1](#) настоящей статьи, оборот отдельных категорий товаров может быть ограничен.

Порядок перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза определяется в соответствии с настоящим Договором, международными договорами в рамках Союза».

1, 2 и 3 статьи 29 Договора регулируют различные виды исключений, которые имеют самостоятельные процедуры введения (установления) (пункт 4 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Г]осударства – члены Союза во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения, которые могут вводиться ими при двух условиях:

– такие меры не должны являться средством неоправданной дискриминации или средством ограничения торговли;

– такие ограничения необходимы для целей, указанных в абзацах 1 – 6, пункта 1 статьи 29 Договора.

Как и в случае ограничения оборота отдельных категорий товаров в соответствии с пунктом 3 статьи 29 Договора, односторонние ограничительные меры государств – членов Союза, могут быть направлены исключительно на защиту одного (или нескольких) из интересов, указанных в пункте 1 статьи 29 Договора (пункт 6 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Прибегнув к системному, взаимосвязанному с положениями статьи 28 Договора, анализу Большая коллегия рассматривает отсылку в пункте 3 к пункту 1 статьи 29 Договора, как возможность установления иных ограничений оборота товаров на внутреннем рынке, но по тем же основаниям (пункт 8 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).⁴⁸

[С]ледует признать существование двух видов исключений из принципа свободного движения товаров на основе одних и тех же оснований:

⁴⁸ В Евразийском экономическом союзе в отношении перемещения отдельных категорий товаров действует ряд международных договоров в форме соглашений и протоколов (Соглашение о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза от 24 октября 2013 года; Соглашение о перемещении служебного и гражданского оружия между государствами – членами Евразийского экономического союза от 20 мая 2015 года; Соглашение о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов Евразийского экономического союза от 29 мая 2015 года и др.) (пункт 8 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

1) вводимых, как *исключительную меру*, государствами – членами Союза, по основаниям, перечисленным в пункте 1 статьи 29 Договора;

2) которые вводятся международными договорами для ограничения в обороте отдельных категорий товаров по тем же основаниям, установленным пунктом 1 статьи 29 Договора (пункт 8 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[В] целях обеспечения исполнения условий свободного движения товаров и функционирования внутреннего рынка, государства – члены Союза должны создавать благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаться от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, максимально избегая введения односторонних ограничений во взаимной торговле, исходя из принципов

транспарентности,

адекватности,

соразмерности

и объективной обусловленности, вытекающих из содержания пункта 2 статьи 3 Договора. В отношении ограничений, применяемых государствами – членами Союза во взаимной торговле товарами, Евразийская экономическая комиссия проводит мониторинг. В случае возникновения спорных вопросов стороны вправе обращаться в Суд Евразийского экономического союза (пункт 9 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

о наличии либо об отсутствии (для целей обязательного таможенного декларирования наличных денежных средств) связи между фактическим ввозом/вывозом физическим лицом воздушным транспортом таких средств с/на таможенную территорию таможенного союза и пребыванием данного лица в трансферной зоне международного аэропорта государства, не являющегося членом Союза

В силу положений статьи 2 ТК ТС *единую таможенную территорию таможенного союза составляют территории государств – членов*, а также находящиеся за пределами их территорий искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, *в отношении которых государства – члены таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией*. Пределы таможенной территории таможенного союза являются таможенной границей таможенного союза. В соответствии с международными договорами государств – членов таможенного союза таможенной границей могут являться пределы отдельных территорий, находящихся на территориях

государств – членов таможенного союза. В ряде случаев таможенная граница совпадает с государственной границей одного из государств – членов. Как и государственная, *таможенная граница указывает на территориальные пределы единой таможенной территории* за которыми действуют установленные иными международными договорами и законодательством третьих стран правила в части ввоза/вывоза товаров с/на их территории (пункт 2 консультативного заключения от 15 октября 2018 года *по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года*).

Принцип свободного перемещения товаров между территориями государств – членов, установленный подпунктом 5 пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года *включает императивное условие неприменения таможенного декларирования товаров и государственного контроля, за исключением случаев, предусмотренных данным Договором. Учитывая, что нормой подпункта 35 пункта 1 статьи 4 ТК ТС к товарам отнесены, наряду с прочим, валюта государств – членов таможенного союза, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, указанный принцип распространяется и на них* (пункт 3 консультативного заключения от 15 октября 2018 года *по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года*).

Существенное значение для целей разъяснения положения статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года имеет то обстоятельство, что указанная норма применяется при условии, что свободное перемещение товаров, в том числе валюты, валютных ценностей, *осуществляется непосредственно между территориями государств – членов Союза* (пункт 3 консультативного заключения от 15 октября 2018 года *по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года*).

[П]равовое регулирование свободного перемещения валюты, валютных ценностей, денежных средств в пределах таможенной территории Союза осуществляется на международно-правовом уровне, путем принятия

соответствующих международных договоров (пункт 3 консультативного заключения от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года).

Взаимосвязанное прочтение относящихся к разъясняемым нормам положений подпунктов 4 – 5 пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года в соответствии с их значением, в их контексте, а также в свете объекта и целей Договора, ТК ТС, позволяет сформулировать следующий вывод. *Перемещение физическими лицами наличных денежных средств между территориями государств – членов исключает обязанность их таможенного декларирования при соблюдении следующих условий:*

перемещение наличных денежных средств осуществляется между территориями государств – членов Союза в пределах единой таможенной территории Союза;

перемещение наличных денежных средств воздушным, водным видами транспорта между территориями государств – членов Союза осуществляется транзитом через государство, не являющееся членом Союза, без совершения остановки (посадки, пересадки), захода водного судна в порт третьего государства. При этом перемещение наличных денежных средств воздушным или водным транспортом между двумя государствами – членами Союза без совершения остановки в третьем государстве не является вывозом с таможенной территории Союза и ввозом на данную территорию по смыслу положений главы 49 «Особенности перемещения товаров для личного пользования» ТК ТС и соответствующих положений Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, принятого Договором о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (пункт 3 консультативного заключения от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года).

В случае, если имеет место вывоз/ввоз наличных денежных средств физическим лицом, хотя и следующим из одного государства – члена Союза в другое (другие) государство – член Союза, однако совершающим остановку в транзитной, трансферной зоне международного аэропорта третьего государства, норма подпункта 5 пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года в отношении указанного лица не подлежит применению

по следующим основаниям. В соответствии с пунктами 3 – 4 и 22 статьи 4 Главы 1 ТК ТС:

ввоз товаров на таможенную территорию таможенного союза – совершение действий, связанных с пересечением таможенной границы, в результате которых товары прибыли на таможенную территорию таможенного союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до их выпуска таможенными органами;

вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза – совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до фактического пересечения таможенной границы;

перемещение товаров через таможенную границу – ввоз товаров на таможенную территорию таможенного союза или вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза (пункт 3 консультативного заключения от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года).

[Ф]актическое пересечение таможенной границы таможенного союза физическим лицом, имеющим при себе товары или наличные денежные средства, означает их вывоз или ввоз и исключает действие нормы подпункта 5 пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года (пункт 3 консультативного заключения от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года).

[П]ересечение физическим лицом в соответствии со статьей 357 ТК ТС таможенной границы таможенного союза в пункте убытия, письменное декларирование им в целях вывоза в третье государство наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тысяч долларов США, означает юридический факт вывоза физическим лицом наличных денежных средств за пределы таможенной территории таможенного союза. Пребывание физического лица в транзитной, трансферной зоне международного аэропорта третьего государства подтверждает факт нахождения лица за пределами единой

таможенной территории таможенного союза (пункт 5 консультативного заключения от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года).

При перемещении физическими лицами наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тыс. долларов США, воздушным транспортом с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства – члена Союза через транзитные, трансферные зоны международных аэропортов третьих государств подлежало применению положение абзаца третьего пункта 1 статьи 3 Договора от 5 июля 2010 года⁴⁹, устанавливающее обязанность физических лиц при единовременном ввозе наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тыс. долларов США, осуществлять таможенное декларирование наличных денежных средств и (или) дорожных чеков, или положение абзаца третьего пункта 1 статьи 4 Договора от 5 июля 2010 года, устанавливавшего обязанность физических лиц при единовременном вывозе наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышавших в эквиваленте 10 тысяч долларов США, осуществлять таможенное декларирование указанных денежных средств и (или) дорожных чеков (пункт 5 консультативного заключения от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года).

[П]ри выявлении нарушений порядка перемещения наличных денежных средств и (или) дорожных чеков необходимо соблюдать принцип пропорциональности санкций при решении вопроса о привлечении лица к административной или уголовной ответственности (пункт 7 консультативного заключения от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года).

⁴⁹ Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года.

По вопросу о правовом регулировании предоставления финансовых услуг в рамках Евразийского экономического союза

общие положения

[Р]аздел XV⁵⁰ устанавливает общее регулирование для всех видов (секторов) услуг, в то время как разделы XVI, XIX, XX и XXI Договора⁵¹ устанавливают специальное регулирование для *таких видов услуг как:*

финансовые (раздел XVI),
естественных монополий (раздел XIX),
энергетики (раздел XX),
транспортные (раздел XXI).

Это значит, что в соответствии с правовым принципом *lex specialis derogat generali* (специальный закон вытесняет общий) при наличии противоречий между общим и специальным регулированием применяются правила, установленные специальными нормами. К отношениям, которые не охвачены специальным регулированием, применяются общие нормы (пункт 1 консультативного заключения от 10 июля 2020 года *по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Либерализация торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций согласно пункту 1 статьи 67 Договора осуществляется с учетом международных принципов и стандартов путем гармонизации законодательства государств – членов и организации взаимного административного сотрудничества компетентных органов государств – членов (пункт 1 консультативного заключения от 10 июля 2020 года *по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*,

⁵⁰ Положения раздела XV Договора в соответствии с пунктом 2 статьи 65 Договора применяются к мерам государств – членов, затрагивающим поставку и получение услуг, учреждение, деятельность и осуществление *инвестиций*.

⁵¹ Пунктом 3 статьи 65 Договора установлено, что услуги, охватываемые разделами XVI, XIX, XX и XXI настоящего Договора, регулируются положениями этих разделов соответственно. Положения раздела XV действуют в части, не противоречащей указанным разделам Договора.

пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Одним из принципов, которым руководствуются государства – члены в процессе либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, в соответствии с подпунктом 4 пункта 2 статьи 67 Договора является *принцип последовательности*, то есть принятие любых мер в отношении торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, в том числе гармонизация законодательства государств – членов и административное сотрудничество, исходя из следующего:

– ни в одном из секторов услуг и видов деятельности недопустимо *ухудшение условий взаимного доступа* по сравнению с условиями, действующими на дату подписания настоящего Договора, и условиями, закрепленными в настоящем Договоре;

– *поэтапное сокращение ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий*, предусмотренных индивидуальными национальными перечнями ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий, утвержденных Высшим советом, указанных в абзаце 4 пункта 2 и пунктах 15 – 17, 23, 26, 28, 31, 33 и 35 Протокола о торговле услугами (пункт 1 консультативного заключения от 10 июля 2020 года *по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).*

[Г]осударства – члены взяли на себя обязательства не ухудшать условия взаимного доступа по сравнению с условиями:

а) существующими в соответствующем государстве – члене на дату подписания Договора;

б) закрепленными в самом Договоре (пункт 1 консультативного заключения от 10 июля 2020 года *по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15*

Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

о предоставлении финансовых услуг, в том числе лизинговых услуг, оказываемых лизинговой компанией, не являющейся банком

[У]слуги по финансовому лизингу не входят в Единый перечень секторов услуг в рамках Союза, в которых функционирует единый рынок, утвержденный решением Высшего совета от 23 декабря 2014 года № 110, куда входят иные виды услуг, которые в целом регулируются положениями раздела XV и Протокола о торговле услугами (пункт 1 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Д]еятельность по предоставлению такой финансовой услуги как финансовый лизинг регулируется положениями раздела XVI Договора и Протокола по финансовым услугам. Положения раздела XV Договора и Протокола о торговле услугами применимы к финансовому лизингу в части, не противоречащей разделу XVI и положениям Протокола по финансовым услугам (пункт 1 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

о пруденциальном регулировании⁵² лизинговой деятельности

[И]нститут пруденциального регулирования не зависит от субъектного состава лиц, осуществляющих лизинговую деятельность и ее видов (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2020 года *по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Установление такого [пруденциального] регулирования исключительно для кредитных организаций – лизингодателей неизбежно повлечет нарушение прав и законных интересов не только данных хозяйствующих субъектов *по сравнению с иными категориями лизингодателей*, в отношении которых

⁵² Пруденциальное (упреждающее, ориентированное на потенциальные риски) регулирование представляет собой правовую форму закрепления экономически обоснованных требований к функционированию организаций в целях повышения их финансовой устойчивости и минимизации рисков неликвидности и неплатежеспособности. В частности, установление требований к минимальному размеру собственных средств (капитала), установление финансовых нормативов и отчетности, включаемых в пруденциальное регулирование, согласно вопросу заявителя, не является по смыслу Договора, норм иных международных договоров барьерами, ограничениями, разрешительными требованиями и процедурами, запретами или дискриминационными мерами, которые прямо или косвенно аннулируют или сокращают выгоды лизингодателей. Финансовые нормативы являются показателями, отражающими минимальные, средние или максимально предельные величины, регулирующие формирование, распределение и перераспределение финансовых ресурсов организации. К отчетности относится регулярно подводимый итог деятельности хозяйствующего субъекта, включающий определенный набор показателей, полученных доходов и произведенных расходов за истекший период, а к минимальному размеру собственных средств (капитала) – числовое значение норматива достаточности собственных средств. Наличие данных финансовых инструментов присуще любому виду хозяйственной деятельности и является, *a priori*, неотъемлемым и общепринятым элементом государственного регулирования деятельности организаций в сфере финансов и движения материально – денежных средств (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2020 года *по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

пруденциальное регулирование не применяется, но и лизингополучателей, ввиду существенного увеличения для них неоправданных рисков (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Применение пруденциальных мер к лизинговой деятельности не тождественно введению дискриминационных мер в отношении торговли услугами, учреждения и деятельности других государств – членов, а наоборот – приводит к поддержанию стабильности и доверия к небанковским лизинговым организациям. Данный вывод соотносится с нормой пункта 57 Протокола о торговле услугами о том, что каждое государство – член обеспечивает, чтобы все меры этого государства – члена, влияющие на торговлю услугами, учреждение и деятельность, применялись разумным, объективным и беспристрастным образом (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Учитывая, что пруденциальное регулирование не имеет взаимосвязи с дискриминационными мерами, его введение в государствах – членах Союза пункту 1 статьи 66 Договора не противоречит (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[В]ведение государством – членом Союза пруденциального регулирования... относится к национальной юрисдикции (пункт 2 консультативного

заклучения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разьяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Смысловое содержание термина «разрешительные требования⁵³ и процедуры⁵⁴» в пункте 62 Протокола о торговле услугами следует из норм подпунктов 16 и 17 пункта 6 данного Протокола и показывает отсутствие его тождественности понятию *пруденциального регулирования*.... По целевому назначению и содержанию *разрешительные процедуры и разрешительные требования имеют иной, самостоятельный предмет правового регулирования, чем институт пруденциального регулирования* (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разьяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами,

⁵³ К *разрешительным требованиям* относится совокупность стандартов и (или) требований (в том числе лицензионных, квалификационных) к заявителю, владельцу разрешения и (или) поставляемой услуге, осуществляемой деятельности, соответствующей законодательству государства – члена, направленных на обеспечение достижения целей регулирования, установленных законодательством государства – члена (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разьяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

⁵⁴ К *разрешительным процедурам* отнесена совокупность процедур, реализуемых компетентными органами в соответствии с законодательством государства – члена, связанных с выдачей и переоформлением разрешений и их дубликатов, прекращением, приостановлением и возобновлением либо продлением срока действия, лишением (аннулированием) разрешений, отказом в выдаче разрешений, а также рассмотрением жалоб по таким вопросам (пункт 2 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разьяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

По вопросу о тарифном квотировании⁵⁵

[Т]арифная квота применяется только тогда, когда существует дисбаланс между производством и потреблением отдельного вида сельскохозяйственного товара, а именно: производство этого вида товара не удовлетворяет нормам его потребления. Таким образом, цель тарифного квотирования – это восполнение объема товара, количество которого недостаточно для потребностей внутреннего рынка Союза (пункт 6 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению

⁵⁵ Понятие *тарифной квоты* содержится в пункте 2 Протокола о едином таможенно – тарифном регулировании и означает меру регулирования ввоза на таможенную территорию Союза отдельных видов сельскохозяйственных товаров, происходящих из третьих стран, предусматривающую применение дифференцированных ставок ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Союза в отношении товаров, ввозимых в пределах установленного количества (в натуральном или стоимостном выражении) в течение определенного периода и сверх такого количества (пункт 6 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению *Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза*).

Полномочия на установление тарифных квот являются исключительной компетенцией Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) на основании пункта 1 статьи 45 Договора о Союзе. Помимо установления тарифных квот, Комиссия распределяет объемы тарифной квоты между государствами – членами, определяет метод и порядок применения тарифных льгот, а также устанавливает случаи и условия представления тарифных льгот, определяет порядок применения тарифных льгот. Комиссия реализует свои полномочия по установлению тарифной квоты через утверждение льготных ставок ввозных пошлин Единого таможенного тарифа Союза в отношении сельскохозяйственных товаров, ввозимых в пределах объема, предусмотренного тарифной квотой и сверх него (пункт 6 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению *Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза*).

Пунктом 5 Протокола о едином таможенно-тарифном регулировании предусмотрено, что объем тарифной квоты в отношении отдельного вида сельскохозяйственных товаров, происходящего из третьих стран и ввозимого на таможенную территорию Союза, устанавливаемый Комиссией, не может превышать разницу между объемом потребления такого товара на таможенной территории Союза и объемом производства аналогичного товара на таможенной территории Союза. Если, согласно пункту 6 указанного Протокола, объем производства аналогичного товара на таможенной территории Союза равен объему потребления такого товара или превышает его, установление тарифной квоты не допускается (пункт 6 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению *Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза*).

Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

Право ввоза на таможенную территорию Союза товаров в пределах определенного объема по льготной ставке таможенной пошлины подтверждается соответствующей лицензией (пункт 7 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

Анализ статьи 46 Договора о Союзе, Протокола о мерах нетарифного регулирования и Протокола о едином таможенно-тарифном регулировании позволяет сделать вывод, что лицензирование в рамках тарифной квоты представляет собой особую форму для реализации тарифного регулирования. Без распределения тарифной квоты такая лицензия не может быть выдана. Поэтому, учитывая целевое назначение лицензии на импорт, выдаваемой в рамках тарифной квоты, нет оснований рассматривать ее в качестве самостоятельной меры нетарифного регулирования (пункт 7 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

[Т]овар, ввоз которого допускается в пределах тарифной квоты, представляет собой лицензируемый товар, в отношении которого установлена мера тарифного регулирования и, соответственно, льготная ставка таможенной пошлины (пункт 7 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

Исходя из определения тарифной квоты, приведенного в пункте 2 Протокола о едином таможенно-тарифном регулировании, период, в течение которого производится ввоз товара, является обязательным условием установления тарифной квоты (пункт 7 консультативного заключения

от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

[О]бъем прав и обязанностей, возникающих у субъекта, осуществляющего ввоз товара на основании лицензии, выданной в рамках тарифной квоты, ограничен сроком действия лицензии (пункт 7 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

[П]ункт 10 данного Положения [о едином порядке контроля перемещения лицензируемых товаров] устанавливает различный объем действий, которые производятся с лицензируемыми товарами в пределах срока действия лицензии в зависимости от того, какая мера (тарифная или нетарифная) применяется к соответствующим товарам.

Для товаров, к которым применяется тарифная квота, то есть мера тарифного регулирования, в пределах срока действия лицензии предусмотрено перемещение лицензируемых товаров *через таможенную границу и подача таможенной декларации* при заявлении первой таможенной процедуры,

а для товаров, к которым применяются нетарифные меры, установлено требование *о допуске к выпуску в пределах срока действия лицензии*. Из пункта 10 вышеуказанного Положения видно, что для первой категории товаров установлено требование *об их перемещении и подаче таможенной декларации*, а для второй – требование *о выпуске в пределах срока действия лицензии* (пункт 7 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

[С]рок лицензии на ввоз квотируемых товаров по льготной таможенной пошлине действует на момент их ввоза на таможенную территорию Союза (пункт 7 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского

экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза)⁵⁶.

[Т]ребования о предоставлении документов и сведений, необходимых для выпуска товаров, включая лицензию на импорт товара, также относятся к моменту подачи таможенной декларации (пункт 8 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

[П]редварительное таможенное декларирование в отсутствие факта перемещения товара через таможенную границу Союза не является основанием для применения льготной ставки таможенной пошлины, установленной для товара, ввезенного в пределах тарифной квоты (пункт 9 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза)⁵⁷.

⁵⁶ На основании подпункта 22 пункта 1 статьи 4 ТК ТС под перемещением товаров через таможенную границу понимается ввоз товаров на таможенную территорию таможенного союза или вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза. В соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 4 ТК ТС ввоз товаров на таможенную территорию таможенного союза – совершение действий, связанных с пересечением таможенной границы, в результате которых товары прибыли на таможенную территорию таможенного союза любым способом, до их выпуска таможенными органами. Таким образом, ввоз товара на таможенную территорию – это комплекс действий, в результате которых товар прибыл на таможенную территорию, но еще не выпущен таможенным органом (пункт 7 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

⁵⁷ Применение предварительного таможенного декларирования, то есть заявление декларантом таможенному органу сведений о товарах, об избранной таможенной процедуре и (или) иных сведений, необходимых для выпуска товаров, до их ввоза на таможенную территорию Союза, установлено статьей 193 ТК ТС и имеет целью упрощение таможенного оформления лицензируемых товаров, ввозимых в пределах тарифных квот, а также сокращение временных и финансовых затрат участников внешнеторгового оборота. Пункт 6 статьи 193 ТК ТС устанавливает, что в случае, если товары не предъявлены таможенному органу в течение 30 дней с даты регистрации таможенной декларации, в выпуске таких товаров будет отказано (пункт 9 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о

Положения пункта 1 статьи 195 ТК ТС не устанавливают требований в отношении срока действия лицензии как необходимого условия выпуска товаров *и не устанавливают запрета выпуска в случае, если на момент выпуска срок действия лицензии истек*. В этой связи требование о предоставлении документов и сведений, необходимых для выпуска, относится к моменту подачи таможенной декларации, и, следовательно, требование о предоставлении действующей лицензии в числе документов, необходимых для выпуска, также *относится к моменту подачи таможенной декларации* (пункт 10 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

[Д]ля применения льготной ставки таможенной пошлины в пределах срока действия лицензии должна быть совершена следующая совокупность действий:

ввоз товара, в отношении которого установлена тарифная квота, на таможенную территорию Союза

и подача таможенной декларации при заявлении первой таможенной процедуры. При этом таможенная декларация может быть подана, в том числе, в порядке предварительного таможенного декларирования. Большая коллегия Суда исходит из целей внешнейторговой политики Союза, которые закреплены в пункте 2 статьи 33 Договора о Союзе:

применение мер и механизмов осуществления внешнейторговой политики Союза, являющихся не более обременительными для участников внешнейторговой деятельности государств – членов, чем необходимо для обеспечения эффективного достижения целей Союза;

защита прав и законных интересов участников внешнейторговой деятельности государств – членов, а также прав и законных интересов производителей и потребителей товаров и услуг (пункт 10 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и решений органов Евразийского экономического союза).

[П]равовое регулирование, действующее в Союзе, не устанавливает обязанности выпустить товар при условии фактического ввоза и подачи таможенной декларации с необходимым комплектом сопроводительных документов, включая лицензию, действующую на момент ввоза товаров. Большая коллегия Суда полагает, что для участника внешнеэкономической деятельности, осуществляющего в пределах срока действия лицензии ввоз товара по тарифной квоте на таможенную территорию Союза и подачу таможенной декларации, в том числе с использованием предварительного декларирования, не должны наступать последствия в виде уплаты таможенной пошлины не по льготной ставке (пункт 11 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года).

Статьей 46 Договора о Союзе установлен исчерпывающий перечень мер нетарифного регулирования. Лицензия, подлежащая выдаче в рамках реализации тарифной квоты, не относится к числу мер нетарифного регулирования (пункт 7 консультативного заключения от 1 ноября 2016 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

По вопросу осуществления промышленной политики в Евразийском экономическом союзе в аспекте недопустимости дискриминации

[П]раво Союза различает два вида промышленных политик – национальная промышленная политика каждого из государств – членов Союза и промышленная политика в рамках Союза... [Т]ребуется уяснение содержания каждой из указанных политик и степени дискреции государств – членов при принятии мер, связанных с урегулированными разделом XXIV «Промышленность» Договора правоотношениями (пункт 1 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)⁵⁸.

[П]ринципы⁵⁹ промышленной политики в рамках Союза, в том числе принцип недискриминации, а также цели⁶⁰ осуществления промышленной

⁵⁸ Промышленная политика в рамках Союза нормативно определена как деятельность государств – членов по основным направлениям промышленного сотрудничества, осуществляемая государствами – членами как самостоятельно, так и при консультативной поддержке и координации Комиссии (пункт 1 Протокола о промышленном сотрудничестве, являющегося приложением № 27 к Договору) (пункт 1 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

⁵⁹ В соответствии с пунктом 2 статьи 92 Договора промышленная политика в рамках Союза осуществляется на основе следующих принципов:

политики и меры для достижения указанных целей реализуются государствами – членами Союза (пункт 1 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Рассматривая Союз как международную организацию региональной экономической интеграции с гарантированными в ней четырьмя свободами движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (статья 1 Договора), функционирующую на основании принципов, целей и соответствующих им норм о таможенном союзе и едином экономическом пространстве, Большая коллегия Суда приходит к выводу, что в Союзе при регулировании экономических отношений, предусмотренных Договором, должны [быть созданы] равные условия для добросовестной конкуренции и взаимной торговли, в основе которых лежит принцип недискриминации (пункт 2 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Наряду с основными принципами функционирования и целями Договор содержит нормы, прямо или опосредованно устанавливающие недискриминационные условия функционирования таможенного союза и единого экономического пространства (пункт 2 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Для взаимной торговли в рамках функционирования внутреннего рынка товаров Договором предусмотрено *право государств – членов в некоторых*

-
- 1) равноправие и учет национальных интересов государств – членов;
 - 2) взаимовыгодность;
 - 3) добросовестная конкуренция;
 - 4) недискриминация;
 - 5) транспарентность (пункт 1 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года

по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

⁶⁰ В Договоре определены цели осуществления промышленной политики в рамках Союза (пункт 3 статьи 92 Договора), к которым относятся ускорение и повышение устойчивости промышленного развития, повышение конкурентоспособности промышленных комплексов государств – членов, осуществление эффективного сотрудничества, направленного на повышение инновационной активности, устранение барьеров в промышленной сфере, в том числе на пути движения промышленных товаров государств – членов (пункт 1 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

случаях применять ограничения, но только при условии, если такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли (статья 29 Договора). Тем самым возможность применения государствами – членами ограничительных мер обусловлена соблюдением принципа недискриминации (пункт 2 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Во внешней торговле товарами установлен как применимый режим наибольшего благоприятствования в понимании Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года... в тех случаях и на условиях, когда применение режима наибольшего благоприятствования предусмотрено международными договорами Союза с третьей стороной, а также международными договорами государств – членов с третьей стороной (статья 34 Договора) (пункт 2 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Преамбула Договора, в которой принимаются во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации, иные нормы Договора, включая Протокол о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы, являющийся приложением № 31 к Договору и предусматривающий регулирование соответствующих отношений Договором о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 года, свидетельствуют о том, что *право Союза признает обязательства государств – членов в рамках Всемирной торговой организации (пункт 2 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).*

[П]ринцип недискриминации, направленный на обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, гарантирует предоставление товарам государств – членов не менее благоприятных условий в сравнении с товарами, происходящими из третьих стран. При этом Большая коллегия Суда констатирует, что принятие государствами – членами мер, направленных на создание для товаров, происходящих из третьих стран, условий более благоприятных по сравнению с товарами государств – членов, не согласуется с основными принципами функционирования и целями Союза (пункт 2 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии

о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)⁶¹.

По вопросу о классификации Евразийской экономической комиссией товара, перемещаемого на таможенную территорию государств – членов Союза

Общие положения

В соответствии со статьей 32 Договора осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ЕАЭС и регулирующими таможенными правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями Договора. Из смысла указанной нормы следует, что *единое таможенное регулирование в Союзе предполагает наличие единого подхода к классификации одного и того же товара на территории ЕАЭС*. Единое таможенное регулирование осуществляется, в том числе, на основании решений Комиссии, которые *имеют нормативный характер и подлежат непосредственному применению на территории всех государств – членов*.

Этот вывод также подтверждается положениями пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, согласно которым Комиссия принимает решения о классификации отдельных видов товаров:

в целях обеспечения единообразия применения ТН ВЭД ЕАЭС на основании предложений таможенных органов;

при выявлении различной классификации товаров, в принятых таможенными органами предварительных решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых таможенными органами

⁶¹ Преамбула Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 года содержит указание на необходимость толкования торговых режимов государств – членов в контексте Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 года), согласно пункту 2 статьи II которого его неотъемлемой частью является в том числе ГАТТ 1994, включающее в себя положения Генерального соглашения по тарифам и торговле от 30 октября 1947 года. Согласно статье I ГАТТ 1994 режим наиболее благоприятствуемой нации предполагает, что любое преимущество, благоприятствование, привилегия или иммунитет, предоставляемые любой Договаривающейся Стороной любому товару, происходящему из, или предназначенному для любой другой страны, должны немедленно и, безусловно, предоставляться аналогичному товару, происходящему из, или предназначенному для территорий всех других Договаривающихся Сторон. В соответствии с этим положением, исходя из статьи 34 Договора, в отношении внешней торговли товарами применяется режим наибольшего благоприятствования в понимании ГАТТ 1994 (пункт 2 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

в соответствии с пунктом 6 статьи 21 ТК ЕАЭС (пункт 5.1.2 решения Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года по делу *общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» к Евразийской экономической комиссии*).

В статье 25 Договора закладываются основы функционирования таможенного союза. Абзац третий пункта 2 указанной статьи устанавливает, что *«единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) основана на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (ТН ВЭД СНГ)»* (пункт 5.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии*).

[К]од товара декларант определяет самостоятельно. Таможенные органы осуществляют проверку правильности классификации товаров и, в случае выявления неверной классификации товара, они вправе самостоятельно осуществить классификацию товаров (пункт 6.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

Исходя из положений статей 25, 32 и 42 Договора, статей 19 и 22 Таможенного кодекса ЕАЭС *решения о классификации отдельных видов товаров должны основываться и соответствовать ТН ВЭД ЕАЭС, международной основой которой являются ГС и ТН ВЭД СНГ* (пункт 5.2.1.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии*).

[П]олномочия по принятию решений о классификации отдельных видов товаров и полномочия по изменению ставок ввозной таможенной пошлины относятся к различным группам полномочий, осуществляемым на основании отличных норм права Союза. Принятие Комиссией классификационного решения в отношении отдельного вида товара, входящего в перечень чувствительных, не приводит к изменению ставки ввозной таможенной пошлины и не определяет объем субпозиций, который установлен Товарной номенклатурой (пункт 5.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии*).

Цель обеспечения единообразного применения Товарной номенклатуры *не предусматривает обязательное наличие неединообразной практики применения при классификации соответствующего вида товара в других государствах – членах* (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

[С]ложившаяся в государствах – членах Союза практика таможенной классификации какого-либо товара... не может рассматриваться в качестве правового основания нарушения Комиссией положений статьи 32 Договора⁶² (пункт 5.1.2 решения Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года по делу общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» к Евразийской экономической комиссии).

Решение о классификации отдельного вида товаров должно описывать общие классификационные признаки, присущие отдельному виду (группе) товаров (пункт 5.2.1.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии).

[У]частники внешнеэкономической деятельности вправе ожидать, что осуществляемая в соответствии с ГС⁶³ классификация товаров, имеющая значение, в том числе для определения размера таможенных платежей, будет носить

объективный,

предсказуемый

и прозрачный характер,

унифицированный в большинстве государств,

и не будет зависеть от усмотрения таможенных органов, что являлось бы недопустимым в публичных правоотношениях (пункт 3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 23 декабря 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии).

⁶² В силу указанного договорного положения «[в] Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и регулируемыми таможенными правоотношениями международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями настоящего Договора».

⁶³ Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации.

процедура принятия Комиссией решения о классификации товара

Комиссия в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС вправе принимать решения о классификации отдельных видов товаров *на основании предложений таможенных органов* (пункт 5.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии*).

Положения абзаца первого пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС определяют цели, которые преследует Комиссия, принимая решения о классификации отдельного вида товаров по предложениям таможенных органов государств – членов. Абзац первый пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС *обязывает Комиссию по обращению таможенного органа любого государства – члена с предложением о классификации отдельного вида товара рассмотреть такое обращение и принять соответствующее решение о классификации* (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии*).

Процедура принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров предусматривает, что к обращению о принятии решения о классификации такого товара прикладываются документы, содержащие описание

такого вида товара,

его функционального назначения и характеристик, необходимых для его классификации по ТН ВЭД ЕАЭС,

а также в зависимости от характера отдельного вида товара – информация об области его использования и его основных свойствах (например, техническая документация, информация от производителя о количественном и качественном составе товара, другие документы, характеризующие товар) (пункт 5.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии*).

[В]заимосвязанное прочтение положений статьи 45 Договора, пункта 7 статьи 52 ТК ТС (пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС), пунктов 4, 13, 14 Положения о Комиссии дает основание полагать, что *правом Союза не установлено ограничение для принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров исключительно в случае, если инициативное обращение уполномоченных таможенных органов государств – членов Союза обусловлено наличием неединообразной практики в вопросах классификации*

по одним и тем же видам товаров в государствах – членах Союза. Обеспечение единообразных подходов при классификации отдельных видов товаров на всей таможенной территории Союза является целью принимаемых Комиссией классификационных решений. Однако наличие неединообразной практики толкования (применения Товарной номенклатуры) не является обязательным условием для принятия таких решений (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии).

материалы, учитываемые Комиссией при принятии решения о классификации товара

При ссылке на требование пункта 12 Порядка⁶⁴ о том, что «при подготовке проекта решения Комиссии о классификации Департамент с целью уточнения вопросов, касающихся отдельного вида товара, вправе запрашивать дополнительную информацию у таможенных органов, экспертных организаций, специализированных предприятий, органов исполнительной власти государств – членов, а также проводить совещания (консультации) с представителями этих органов, организаций, предприятий», заявитель сам указывает на его *диспозитивный* характер. Из буквального текста Порядка следует, что *Департамент вправе, но не обязан, запрашивать дополнительную информацию у таможенных органов, экспертных и других организаций*. Следовательно, отсутствие таких дополнительных материалов не может служить доказательством нарушения Комиссией Порядка и основанием для отмены решения № 197 Коллегией Суда (пункт 4.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

Правом Союза не предусмотрена обязанность Комиссии при принятии решений о классификации отдельных видов товаров руководствоваться подходами или практикой классификации товаров таможенными органами государств, *не являющихся членами Союза* (пункт 5.2.2 решения Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии).

Для обеспечения однозначного отнесения конкретного товара к определенной классификационной группировке, кодированной на

⁶⁴ Здесь и далее – Порядок принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденный Решением Коллегии Комиссии от 2 декабря 2013 года № 284.

необходимом уровне, предназначены ОПИ ТН ВЭД⁶⁵ (пункт 5.2.1.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии).

При принятии Комиссией решения о классификации отдельного вида товара применяется ОПИ 1 ТН ВЭД, согласно которому для юридических целей классификация товаров осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ 2 – 6 ТН ВЭД (пункт 5.2.1.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии).

Согласно ОПИ 1 названия разделов, групп и подгрупп приводятся только для удобства использования ТН ВЭД ЕАЭС; для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ 2–5. Из данного правила следует, что только наименования товарных позиций и примечания к разделам и группам, уточняющие понятия и определения, принятые в ТН ВЭД ЕАЭС и устанавливающие границы классификационных группировок, в которые попадает товар по своим объективным характеристикам и свойствам, а также функциональному назначению, имеют правовое значение и учитываются в первую очередь при классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС (пункт 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 13 января 2022 года по делу индивидуального предпринимателя Фельбуша Дмитрия Юрьевича к Евразийской экономической комиссии).

В соответствии со статьей 51 ТК ТС Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности основывается на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (пункт 6.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии)⁶⁶.

⁶⁵ Основные правила интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности. Режим доступа: <http://www.eurasia№commissio№.org/ru/act/trade/catr/ps№/Docume№ets/pravila.pdf>

⁶⁶ Согласно статье 179 ТК ТС участник внешнеэкономической деятельности самостоятельно определяет код товара, перемещаемого через таможенную границу. В случае выявления неверной классификации товаров при их декларировании

Учитывая, что ОПИ ТН ВЭД являются составной частью ТН ВЭД⁶⁷, все участники внешнеэкономической деятельности обязаны применять правила ОПИ ТН ВЭД с целью соблюдения правильного порядка определения классификационного кода товара по ТН ВЭД (пункт 6.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

[М]ежгосударственные стандарты, принятые в отношении определенной продукции, устанавливают технические требования конкретно к этой продукции и не являются документами безусловного применения для целей таможенной классификации товаров (пункт 7.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 марта 2019 года по делу закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии)⁶⁸.

Суд... допускает возможность ссылки на национальные стандарты в отсутствие норм, унифицированных на уровне права Союза, в соответствии с пунктом 3 статьи 52 Договора, пунктом 3 Протокола о техническом регулировании⁶⁹ (пункт 5.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

Вспомогательным источником интерпретации Товарной номенклатуры служат Пояснения, которые введены в действие рекомендацией Коллегии ЕЭК от 7 ноября 2017 года № 21 и содержат краткое описание товаров и областей их возможного применения; классификационные признаки и конкретные перечни товаров, включаемых или исключаемых из соответствующих позиций; иную информацию, необходимую для однозначного отнесения товара к определенной позиции Товарной номенклатуры (пункт 5.5.1 решения Апелляционной палаты Суда

таможенный орган самостоятельно осуществляет классификацию товаров (пункт 6.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2016 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии).

⁶⁷ Единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

⁶⁸ «[М]ежгосударственные стандарты не влияют на определение того или иного кода ТН ВЭД для целей таможенной классификации отдельных видов товаров» (пункт 7.3. решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 марта 2019 года по делу закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии).

⁶⁹ Протокол о техническом регулировании в рамках ЕАЭС (приложение № 9 к Договору).

Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии*).

Согласно преамбуле Пояснений к Товарной номенклатуре томов I – V ЕАЭС последние основаны на русскоязычной версии Пояснений к Гармонизированной системе и Пояснениях к единой Товарной номенклатуре СНГ. Том VI Пояснений к Товарной номенклатуре основан на Пояснениях к Комбинированной номенклатуре Европейского союза, а также содержит пояснения Евразийского экономического союза. *Пояснения, включенные в том VI, не заменяют собой пояснения, содержащиеся в первых пяти томах, а рассматриваются как дополняющие последние и подлежат использованию совместно с ними.* При таких обстоятельствах Апелляционная палата приходит к выводу, что классификационные характеристики товаров, содержащиеся в томе VI Пояснений к Товарной номенклатуре, подлежат применению во взаимосвязи и с учетом тома I Пояснений (пункт 5.5.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии*).

[3]начимым источником толкования Гармонизированной системы и принятой на ее основе Товарной номенклатуры является *классификационное мнение Комитета по Гармонизированной системе...* Изложенное означает, что источником информации при правовой квалификации описания отдельного вида товара в решениях Комиссии является классификационное мнение Комитета по Гармонизированной системе, а не позиции представителей государств на этапе его обсуждения (пункт 5.6 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» к Евразийской экономической комиссии*).

отдельные правила и критерии классификации товаров

ТН ВЭД ЕАЭС не содержит общего *правила классификации частей*. В этой связи на основании Правила 1 ОПИ классификация товаров такого рода осуществляется исходя из текстов товарных позиций, примечаний к разделам или группам и, если в них не предусмотрено иное, в соответствии с последующими Правилами ОПИ (пункт 5.4.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года по делу *закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии*).

При классификации частей необходимо выяснить, имеется ли в ТН ВЭД ЕАЭС товарная позиция, соответствующая их свойствам и характеристикам как отдельного вида товара (пункт 5.4.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года по делу закрытого акционерного общества «Санофи – Авендис Восток» к Евразийской экономической комиссии).

Классификация в рамках товарной позиции на уровне субпозиций осуществляется в соответствии с Правилom 6 ОПИ, согласно которому для юридических целей классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также, *mutatis mutandis*, положениями Правил ОПИ при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми. Для целей настоящего Правила также могут применяться соответствующие примечания к разделам и группам, если в контексте не оговорено иное (пункт 5.4.4 решения Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года по делу закрытого акционерного общества «Санофи-Авендис Восток» к Евразийской экономической комиссии).

Коллегия Суда отмечает, что *«в случае отсутствия специальных терминов и определений в текстах позиций, субпозиций, Примечаниях и Пояснениях следует принимать во внимание также положения документов, указанных в подпункте «г» пункта 5, подпункте «б» пункта 6 Порядка подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации товаров, утвержденного решением от 2 декабря 2013 года № 284 в том числе в этих целях могут быть использованы технические регламенты и стандарты как унифицированные требования к характеристикам товара Союза»* (пункт 5.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

Пункт 3 статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе не ограничивает дискрецию Союза по принятию решений о классификации отдельных видов товаров на уровне товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС с указанием более общих характеристик, на уровне более глубокой классификации – в субпозициях (6 знаков) и далее (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии).

ОПИ 1 установлено, что для юридических целей классификация товаров осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих

примечаний к разделам или группам. Для юридических целей классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также, *mutatis mutandis*, положениями ОПИ при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми (ОПИ б). Таким образом, выбор конкретного кода ТН ВЭД ЕАЭС всегда основан на оценке признаков декларируемого товара, подлежащих описанию, а процесс описания связан с полнотой и достоверностью сведений о товаре (пункт 2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 23 декабря 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии*).

«[К]ритериями классификации товара для таможенных целей являются *объективные характеристики и свойства* товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам. *Предполагаемое назначение товара* также представляет собой критерий при классификации для таможенных целей» (пункт 5.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии*).

Взаимосвязанное прочтение пункта 3 Протокола о техническом регулировании⁷⁰, подпункта «г» пункта 5 Порядка позволяет Апелляционной палате Суда сделать вывод о том, что при принятии решения о классификации и, следовательно, при судебной проверке правомерности решения о классификации *должна учитываться вся совокупность характеристик товара, включая информацию производителя об использовании товара и иную техническую информацию* (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» к Евразийской экономической комиссии*).

При классификации Комиссией отдельного вида товара *наименования товарных позиций и примечания к разделам или группам должны являться приоритетными и учитываться в первую очередь* (пункт 5.2.1.1 решения Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» к Евразийской экономической комиссии*).

⁷⁰ Протокол о техническом регулировании в рамках ЕАЭС (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[С]огласно пункту 7 статьи 21 ТК ЕАЭС *под отдельным видом товаров* понимается совокупность товаров, которые имеют общие классификационные признаки, позволяющие отнести товары с конкретными наименованиями, конкретных марок, моделей, артикулов, модификаций и с иными подобными индивидуальными характеристиками к одному коду в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. Из смысла данной правовой нормы следует, что *только классификационные признаки* имеют значение и позволяют отнести товары к одному коду в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. Наименования товаров, марки, модели, артикулы, модификации не являются техническими и функциональными характеристиками товаров, не входят в состав классификационных признаков и, следовательно, для определения кода ТН ВЭД ЕАЭС правового значения не имеют (пункт 5.1.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 13 января 2022 года по делу *индивидуального предпринимателя Фельбуша Дмитрия Юрьевича к Евразийской экономической комиссии*).

[Ф]акт наличия регистрационного удостоверения государства – члена Союза на какой – либо препарат свидетельствует лишь о том, что данный препарат разрешен к использованию на территории государства. *Наличие регистрационного удостоверения уполномоченного органа в области здравоохранения не является классификационным критерием и не может служить основанием для классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС* в связи с его отсутствием в текстах товарных позиций и в примечаниях к разделам, группам, товарным позициям, подсубпозициям ТН ВЭД ЕАЭС, имеющим юридическую силу (пункт 5.1.3 решения Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года по делу *общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» к Евразийской экономической комиссии*).

По вопросу об антимонопольном правовом регулировании; соотношение компетенции Евразийского экономического союза и компетенции государства – члена Союза

Согласно статье 3 Договора Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами – членами в соответствии с Договором, на основе, среди прочего, *соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции*⁷¹ (пункт 1

⁷¹ Как было отмечено выше, «под конкуренцией в праве Союза понимается состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке (подпункт 8 пункта 2 Протокола [приложение № 19 к Договору – Протокол об общих принципах и правилах конкуренции])» (пункт 1 консультативного заключения от 17 декабря 2018 года по

консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Договор предусматривает... общие принципы и правила, регулирующие вопросы конкуренции как на территориях государств – членов, так и на трансграничных рынках (пункт 3 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Общие принципы и правила конкуренции направлены на обеспечение выявления и пресечения антиконкурентных действий, как на территории государства – члена Союза, так и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств – членов (пункт 1 статьи 74 Договора) (пункт 2 консультативного заключения от 18 июня 2019 года по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).

О наличии компетенции наднационального органа в сфере конкурентной политики на трансграничных рынках свидетельствует делегирование государствами – членами Евразийской экономической комиссии – органу Союза – полномочий по контролю за соблюдением общих правил конкуренции в форме пресечения нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств – членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств – членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках⁷², в частности, в форме применения штрафных санкций (пункт 1 Протокола) (пункт 1 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).

⁷² Рынок считается трансграничным, если его географические границы охватывают территории двух и более государств – членов.

[З]ащита конкуренции на трансграничных рынках представляет собой *единую политику* Союза, в то время как защита конкуренции на национальных рынках – *скоординированную политику* (пункт 1 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*)⁷³.

[К]онкурентное право Союза включает все *три вида политик*⁷⁴, применение которых зависит от таких критериев, как

- 1) характер рынка (национальный или трансграничный) и
- 2) национальность хозяйствующего субъекта (субъект рынка государства – члена или субъект рынка третьих стран) (пункт 1 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[О]бщие правила конкуренции обладают *прямым действием* и должны *непосредственно применяться* государствами – членами как нормы, закрепленные в международном договоре (пункт 1 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[П]ри принятии норм права государства должны находить разумный баланс между развитием своего внутреннего рынка и эффективным функционированием трансграничного рынка, предполагая, что *ни государства – члены, ни органы Союза не должны вторгаться в компетенцию друг друга* (пункт 2 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[Г]осударствам – членам Союза следует гармонизировать законодательство таким образом, чтобы *избежать* формирования различной правоприменительной практики и, как следствие, *создания неравных условий для осуществления предпринимательской деятельности* на территории

⁷³Как было отмечено выше, в статье 2 Договора «*единая политика*» определяется как политика, осуществляемая государствами – членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором, предполагающая применение государствами – членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

«*Скоординированная политика*» – это политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств – членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором.

⁷⁴ Речь идет о приведенных выше *единой, согласованной и скоординированной* политиках.

Союза (пункт 2 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Из взаимосвязанного прочтения подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора и подпункта 19 пункта 2 Протокола следует, что наличие антиконкурентного соглашения касается непосредственно того товарного рынка, раздел которого осуществлен его сторонами (пункт 4.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии).

Компетенция Комиссии в сфере конкуренции устанавливается исходя из основного правила о трансграничности рынка – географического критерия, которое базируется на нормах пункта 2 Критериев⁷⁵ в совокупности с пунктом 1 статьи 74 Договора, подпунктом 19 пункта 2 Протокола⁷⁶ (пункт 4.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии).

Помимо основного предусмотрены специальные правила (пункты 3 – 5 Критериев), применяемые дополнительно к общему географическому критерию в зависимости от вида нарушений в сфере конкуренции. Определение географических границ товарного рынка в целях установления его соответствия Критериям осуществляется в соответствии с Методикой⁷⁷. В частности, пунктом 23 Методики закреплён общий признак товарного рынка в пределах его географических границ, характеризующий поведение покупателя: на нём покупатель приобретает товар, либо имеет экономическую, техническую или иную возможность приобретения товара, либо считает целесообразным приобрести товар, но при этом не имеет такой возможности, либо считает нецелесообразным приобрести его вне географических границ товарного рынка (пункт 4.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии).

⁷⁵ Критерии отнесения рынка к трансграничному, утверждённые Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

⁷⁶ Протокол об общих принципах и правилах конкуренции, являющийся приложением № 19 к Договору.

⁷⁷ Методика оценки состояния конкуренции, утверждённая Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 января 2013 года № 7.

Подпунктом 3 пункта 3 статьи 76 Договора предусмотрено, что *запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств – членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке*, которые приводят или могут привести к разделу товарного рынка по

территориальному принципу,
объему продажи или покупки товаров,
ассортименту реализуемых товаров

либо составу продавцов или покупателей (заказчиков) (пункт 4.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

Одновременно пунктом 7 Протокола установлено, что положения пунктов 3 – 6 статьи 76 Договора *не распространяются на соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), входящими в одну группу лиц*, если одним из таких хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) в отношении другого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка) установлен прямой или косвенный контроль либо если такие хозяйствующие субъекты (субъекты рынка) находятся под прямым или косвенным контролем одного лица, за исключением соглашений между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), осуществляющими виды деятельности, одновременное выполнение которых одним хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) не допускается в соответствии с законодательством государств – членов (пункт 4.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

Раздел XVIII Договора «Общие принципы и правила конкуренции» и Протокол не оперируют понятием «общий (единый) рынок» (статья 2 Договора), равно как и понятием «единый рынок услуг» (пункт 38 Протокола), а используют категорию «*трансграничный рынок*», что с учетом пункта 4 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года свидетельствует о намерении создателей Договора наделить указанный термин специальным значением (пункт 4.1 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

о понимании «трансграничного рынка»

Понятие «*трансграничный рынок*» введено пунктом 1 статьи 74 Договора и представляет собой рынок, который охватывает *территории двух и более государств – членов*. Пунктом 2 статьи 74 Договора предусмотрено, что критерии отнесения рынка к трансграничному в целях определения компетенции Комиссии устанавливаются решением Высшего Евразийского экономического совета. Критерии утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29. Пунктом 2 Критериев уточнено понятие *трансграничного рынка*, закрепленное в пункте 1 статьи 74 Договора, посредством определения его в качестве товарного рынка, географические границы которого охватывают территории двух и более государств – членов. Понятие товарного рынка дано в подпункте 19 пункта 2 Протокола. Определение географических границ товарного рынка осуществляется на основании пунктов 23 – 31 Методики оценки состояния конкуренции, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 ноября 2013 года № 7⁷⁸.... Таким образом, *компетенция Комиссии в сфере конкуренции устанавливается исходя из основного правила о трансграничности рынка* — географического критерия. Большая коллегия Суда считает, что *норма пункта 2 Критериев носит общий характер и закрепляет понятие трансграничного товарного рынка, которое подлежит применению к правоотношениям, урегулированным статьей 76 Договора* (пункт 3 консультативного заключения от 18 июня 2019 года *по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29*).

Положения Договора, Протокола, Критериев и Методики не указывают на наличие каких – либо иных, кроме приведенных выше⁷⁹, дополнительных

⁷⁸ Далее также – Методика.

⁷⁹ Из материалов дела следовало, что ТОО «Scuderia» (Республика Казахстан) обращалось в адрес ЗАО «Дельрус» (Российская Федерация) с просьбой о предоставлении услуги по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroSca№». В материалах дела имелась информация о перенаправлении покупателей между ЗАО «Дельрус» (Российская Федерация) и ТОО «Дельрус РК» (Республика Казахстан). Между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» существовали договорные отношения по субаренде внешнего калибратора ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroSca№», то есть указанные субъекты длительное время сотрудничали на едином трансграничном рынке, договор субаренды действовал в отношениях между сторонами в течение более трех лет. Указанные обстоятельства свидетельствовали о существовании трансграничного рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату «FibroSca№» на территории

признаков, которые обязательно должны присутствовать для установления трансграничного характера исследуемого рынка – в частности, признаков наличия «двусторонней» проницаемости рынка (пункт 4.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

Исходя из содержания пункта 1 статьи 45 Регламента *к полномочиям Суда не относится проведение анализа для установления географических границ товарного рынка*. Это исключительная компетенция Комиссии в целях осуществления контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках (пункт 4.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

о понимании «хозяйствующих субъектов, входящих в группу лиц»

Согласно подпункту 5 пункта 2 Протокола *группа лиц рассматривается как единый хозяйствующий субъект* (субъект рынка), и положения раздела XVIII Договора и Протокола, относящиеся к хозяйствующим субъектам (субъектам рынка), распространяются *на группу лиц*, за исключением случаев, предусмотренных Протоколом. Соответственно, *субъектами по составам нарушения антимонопольного права*, которые описаны в пунктах 3 – 6 статьи 76 Договора, *не могут быть предприниматели, входящие в «группу лиц»*, которая рассматривается как «единый хозяйствующий субъект» (пункт 4.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

Подпункт 5 пункта 2 Протокола⁸⁰ устанавливает перечень случаев, согласно которым несколько физических (юридических) лиц признаются *«группой лиц»*.

Республики Казахстан и Российской Федерации в понимании пункта 23 Методики (пункт 4.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

⁸⁰ Протокол об общих принципах и правилах конкуренции, являющимся приложением № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Так, под «*группой лиц*» понимается совокупность физических лиц и (или) юридических лиц, соответствующих одному или нескольким из следующих признаков:

хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство) и физическое лицо или юридическое лицо, если такое физическое лицо или такое юридическое лицо имеет в силу своего участия в этом хозяйственном обществе (товариществе, хозяйственном партнерстве) либо в соответствии с полномочиями, полученными в том числе на основании письменного соглашения, от других лиц, более чем 50 процентов общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства);

хозяйствующий субъект (субъект рынка) и физическое лицо или юридическое лицо, если такое физическое лицо или такое юридическое лицо осуществляют функции единоличного исполнительного органа этого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка);

хозяйствующий субъект (субъект рынка) и физическое лицо или юридическое лицо, если такое физическое лицо или такое юридическое лицо на основании учредительных документов этого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка) или заключенного с этим хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) договора (соглашения) вправе давать этому хозяйствующему субъекту (субъекту рынка) обязательные для исполнения указания;

хозяйствующие субъекты (субъекты рынка), в которых более чем 50 процентов количественного состава коллегиального исполнительного органа и (или) совета директоров (наблюдательного совета, совета фонда) составляют одни и те же физические лица;

физическое лицо, его супруг, родители (в том числе усыновители), дети (в том числе усыновленные), братья и сестры; лица, каждое из которых по какому – либо из указанных в абзацах втором – шестом настоящего подпункта оснований входит в группу с одним и тем же лицом, а также другие лица, входящие с любым из таких лиц в группу по какому – либо из указанных в абзацах втором – шестом настоящего пункта оснований;

хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство), физические лица и (или) юридические лица, которые по какому – либо из указанных в абзацах втором – седьмом настоящего подпункта признаков входят в одну группу лиц, если такие лица в силу своего совместного участия в этом хозяйственном обществе (товариществе, хозяйственном партнерстве) или в соответствии с полномочиями, полученными от других лиц, имеют более чем 50 процентов общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства) (пункт 4.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу *закрытого*

акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии).

В основе квалификации нескольких субъектов в качестве «группы лиц» лежит то, что *антимонопольное право запрещает сговоры независимых субъектов предпринимательской деятельности между собой*. Однако в случае наличия согласованных действий связанных между собой компаний такие компании следует рассматривать в качестве единого субъекта. Как следствие, *поведение нескольких связанных компаний, входящих в одну «группу лиц», вменяется данной группе, но не компаниям в отдельности* (пункт 4.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии).

Одним из механизмов установления «группы лиц» является институт «снятия корпоративной вуали», который позволяет установить, какова корпоративная структура «группы лиц», какие субъекты владеют соответствующим акционерным капиталом, как распределяется контроль в данном сложносоставном субъекте предпринимательской деятельности, каков состав совета директоров (пункт 4.5 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии).

о пресечении Комиссией нарушения общих правил конкуренции

Полномочия по пресечению нарушений общих правил конкуренции, установленных разделом XVIII Договора, предоставлены Комиссии пунктом 7 статьи 76 Договора. В соответствии с названной нормой пресечение нарушений общих правил конкуренции осуществляется Комиссией в случае, *если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств – членов, за исключением финансовых рынков, в порядке, предусмотренном Протоколом (пункт 3 консультативного заключения от 17 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).*

[П]ресечение нарушений общих правил конкуренции осуществляется на национальном уровне уполномоченными органами государств – членов и на

наднациональном уровне Комиссией. При этом *разграничение их компетенции происходит в зависимости от негативного влияния нарушения на конкуренцию на рынке одного государства – члена либо на конкуренцию на трансграничном рынке* (пункт 3 консультативного заключения от 17 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29*).

о запрете заключения «вертикальных соглашений»

Согласно подпункту 1 пункта 2 Протокола под «вертикальным» соглашением» понимается соглашение между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом (пункт 3 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

В Договоре запреты в отношении «вертикальных» соглашений изложены в пункте 4 статьи 76 и касаются содержания соглашений:

1) такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, когда продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара;

2) такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), который является конкурентом продавца. Соглашения, содержащие перечисленные условия, являются запрещенными, за исключением «вертикальных» соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом (пункт 3 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Взаимосвязанное прочтение [подпункта 1 пункта 2 Протокола⁸¹] и пункта 4 статьи 76 Договора⁸² позволяет сделать вывод о том, что «вертикальное»

⁸¹ Согласно подпункту 1 пункта 2 Протокола под «вертикальным» соглашением» понимается соглашение между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом

⁸² В силу пункта 4 статьи 76 Договора запрещаются «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «вертикальных»

соглашение представляет собой согласование своих действий *как минимум двумя находящимися на разных уровнях в структуре одного товарного рынка хозяйствующими субъектами* (субъектами рынка) (пункт 2.3 консультативного заключения от 17 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29*).

В пункте 6 Протокола закреплено *два критерия допустимости «вертикальных» соглашений*:

- 1) такие соглашения являются договорами коммерческой концессии;
- 2) доля каждого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), являющегося участником такого соглашения, на товарном рынке товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения, не превышает 20 процентов (пункт 3 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[Н]ормы права ЕАЭС разделяют понятия «*критерий допустимости*» и «*запрет*», при этом список критериев допустимости не содержит запретов, которые закреплены в пункте 4 статьи 76 Договора (пункт 3 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Критерии допустимости устанавливаются лишь для «вертикальных» соглашений, обладают императивным характером и имеют важное значение для оценки законности и разумности действий хозяйствующего субъекта, но также являются инструментом, обеспечивающим как фактическое равенство участников на товарном рынке, так и единообразное правовое регулирование «вертикальных» соглашений в рамках ЕАЭС (пункт 3 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению*

соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом, в случае если:

- 1) такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, когда продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара;
- 2) такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), который является конкурентом продавца. Такой запрет не распространяется на соглашения об организации покупателем продажи товаров под товарным знаком либо иным средством индивидуализации продавца или производителя.

Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[У]читывая, что статья 76 Договора устанавливает запреты в отношении некоторых категорий хозяйствующих субъектов, товаров и соглашений, следует сделать вывод, что в гармонизированном национальном законодательстве в дополнение к указанному требованию в этих же категориях могут быть установлены дополнительные требования, ограничения и запреты, учитывающие условия функционирования внутреннего товарного рынка государств (пункт 3 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Н]ормой пункта 3 статьи 74 Договора государствам – членам предоставляется право дополнить в своем национальном законодательстве перечень запретов, а также требований и ограничений в отношении запретов, предусмотренных статьями 75–76 Договора. Договор не содержит положений, позволяющих установить в нормах законодательства государств – членов иные критерии допустимости «вертикальных» соглашений (пункт 3 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[П]раво Союза оперирует понятием «товарный рынок товара», который определяется исходя из двух составляющих:

продуктовых границ (товарной группы, состоящей из товаров – заменителей, рынки которых оцениваются как один товарный рынок)

и *географических границ* (территории, на которой у покупателя существует экономическая целесообразность приобретения товаров) (пункт 4 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[У]становление в национальном законодательстве правила о том, что доля хозяйствующего субъекта должна анализироваться на любом товарном рынке, будет означать, что нарушение правил конкуренции на товарном рынке одного товара может влечь наступление ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности на другом товарном рынке, на котором хозяйствующие субъекты действуют добросовестно. Последнее не соответствует принципу правовой определенности и предоставит государственным органам неограниченную дискрецию при контроле за соблюдением антимонопольного законодательства, а также возложит на хозяйствующих субъектов обязанность по структурированию

своей деятельности таким образом, чтобы не занимать более определенного процента любого товарного рынка, что не соответствует основным целям Союза согласно статье 4 Договора (пункт 4 консультативного заключения от 4 апреля 2017 года *по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

о запрете координации экономической деятельности

[П]равом Союза запрещена координация экономической деятельности⁸³, которая приводит или может привести к наступлению негативных для конкуренции последствий, аналогичных последствиям соглашений, запрещенных пунктами 3 и 4 статьи 76 Договора (соглашения между конкурентами и «вертикальные» соглашения) (пункт 2.1 консультативного заключения от 17 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29*).

Комиссия реализует полномочия по пресечению нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в *координации* экономической деятельности, при условии, что такая координация оказывает негативное влияние на конкуренцию на трансграничном товарном рынке, географические границы которого охватывают территории двух и более государств – членов (консультативное заключение от 17 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29*).

Системный анализ [подпункта 10 пункта 2 Протокола⁸⁴] и пункта 6 статьи 76 Договора⁸⁵ позволяет Большой коллегии Суда выделить следующие характерные признаки Координации:

⁸³ Далее также – Координация.

⁸⁴ В соответствии с подпунктом 10 пункта 2 Протокола под «координацией экономической деятельности» понимается согласование действий хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) третьим лицом, не входящим в одну группу лиц ни с одним из таких хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) и не осуществляющим деятельности на том товарном рынке (товарных рынках), на котором осуществляется согласование действий хозяйствующих субъектов (субъектов рынка).

⁸⁵ На основании пункта 6 статьи 76 Договора государства – члены вправе устанавливать в своем законодательстве запрет на координацию экономической деятельности, если такая координация приводит или может привести к последствиям, указанным также в пункте 5

Координация осуществляется третьим лицом, в качестве которого может выступать физическое лицо, коммерческая или некоммерческая организация;

Координатор не входит в одну группу лиц ни с одним из хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), действия которых согласовываются, и не осуществляет деятельность на том товарном рынке (товарных рынках), на котором осуществляется Координация;

действия Координатора направлены на согласование (координацию) экономической деятельности как минимум двух хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств – членов;

Координация выражается в целенаправленном воздействии Координатора на хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) с целью формирования у них определенной модели поведения и оказания влияния на конкуренцию на товарном рынке (пункт 2.2 консультативного заключения от 17 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29*).

Большая Коллегия Суда констатирует наличие *следующих основных критериев разграничения Координации и «вертикальных» соглашений:*

по субъекту: запрет Координации адресован одному субъекту, в качестве которого может выступать любое физическое лицо, коммерческая или некоммерческая организация; запрет «вертикальных» соглашений адресован как минимум двум хозяйствующим субъектам;

по положению субъектов в структуре товарного рынка: Координатор не является участником товарного рынка, на котором осуществляют деятельность координируемые хозяйствующие субъекты (субъекты рынка); участники «вертикального» соглашения осуществляют деятельность на разных уровнях в структуре одного товарного рынка;

по характеру взаимодействия между субъектами: Координатор согласовывает действия других хозяйствующих субъектов (субъектов рынка); участники «вертикального» соглашения достигают взаимной договоренности относительно условий своей экономической деятельности. Таким образом, системный анализ пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора, подпунктов 1 и 10 пункта 2 Протокола позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод о том, что *запрещенное «вертикальное» соглашение и запрещенная Координация, представляют собой два самостоятельных состава нарушений общих правил конкуренции в праве Союза* (пункт 2.4 консультативного заключения от 17 декабря 2018 года *по заявлению*

настоящей статьи, которые не могут быть признаны допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом.

Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).

о привлечении к ответственности хозяйствующего субъекта государства – члена Союза за действия (бездействие), нарушающие общие правила конкуренции; соотношение международно-правового и национально-правового регулирования

[Н]арушение запретов, установленных статьей 76 Договора⁸⁶, является основанием для привлечения хозяйствующих субъектов, физических лиц и

⁸⁶ В силу указанного договорного положения «1. Запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц, в том числе следующие действия (бездействие):

1) установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара;

2) изъятие товара из обращения, если результатом такого изъятия явилось повышение цены товара;

3) навязывание контрагенту экономически или технологически не обоснованных условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора;

4) экономически или технологически не обоснованные сокращение или прекращение производства товара, если на этот товар имеется спрос или размещены заказы на его поставки при наличии возможности его рентабельного производства, а также если такое сокращение или такое прекращение производства товара прямо не предусмотрено настоящим Договором и (или) другими международными договорами государств – членов;

5) экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Договором и (или) другими международными договорами государств – членов;

6) экономически, технологически или иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар, создание дискриминационных условий с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Договором и (или) другими международными договорами государств – членов;

7) создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам (субъектам рынка).

2. Не допускается недобросовестная конкуренция, в том числе:

1) распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту (субъекту рынка) либо нанести ущерб его деловой репутации;

2) введение в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара или в отношении его производителей;

3) некорректное сравнение хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) производимых или реализуемых им товаров с товарами, производимыми или реализуемыми другими хозяйствующими субъектами (субъектами рынка).

3. Запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств – членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке, которые приводят или могут привести к:

1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат), наценок;

2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;

3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);

4) сокращению или прекращению производства товаров;

5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами либо покупателями (заказчиками).

4. Запрещаются «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «вертикальных» соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными приложением № 19 к настоящему Договору, в случае если:

1) такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, когда продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара;

2) такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), который является конкурентом продавца. Такой запрет не распространяется на соглашения об организации покупателем продажи товаров под товарным знаком либо иным средством индивидуализации продавца или производителя.

5. Запрещаются иные соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «вертикальных» соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными приложением № 19 к настоящему Договору, в случае если установлено, что такие соглашения приводят или могут привести к ограничению конкуренции.

6. Физическим лицам, коммерческим организациям и некоммерческим организациям запрещается осуществлять координацию экономической деятельности хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств – членов, если такая координация приводит или может привести к любому из указанных в пунктах 3 и 4 настоящей статьи последствий, которые не могут быть признаны допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными приложением № 19 к настоящему Договору. Государства – члены вправе устанавливать в своем законодательстве запрет на координацию экономической деятельности, если такая координация приводит или может привести к последствиям, указанным также в пункте 5 настоящей статьи, которые не могут быть признаны допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными приложением № 19 к настоящему Договору.

7. Пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств – членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств – членов, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, общих правил конкуренции, установленных настоящим разделом, в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств – членов, за исключением финансовых

некоммерческих организаций к ответственности (пункт 1 консультативного заключения от 18 июня 2019 года по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).

Уполномоченные органы государств – членов в сфере конкуренции действуют в пределах территорий соответствующих государств – членов (национальных рынков). В случае, если нарушение запрета, установленного пунктом 1 статьи 76 Договора, оказывает негативное влияние только на национальный рынок одного государства – члена, пресечение действий (бездействия) хозяйствующего субъекта относится к компетенции уполномоченного органа государства – члена Союза. В рамках своей компетенции уполномоченные органы руководствуются общими принципами и правилами конкуренции, предусмотренными Договором, Протоколом, иными актами права Союза, внутригосударственным законодательством в сфере конкуренции. Большая коллегия Суда подчеркивает, что предусмотренная пунктом 2 статьи 74 Договора и пунктом 8 Протокола обязанность государств – членов применять право Союза при пресечении нарушений общих правил конкуренции на их территории, не исключает ситуацию, при которой национальное законодательство содержит нормы, совпадающие с положениями Договора об общих правилах конкуренции. Вместе с тем, определяющим фактором для установления компетенции Комиссии или уполномоченного органа государства – члена является географическая характеристика рынка (пункт 2 консультативного заключения от 18 июня 2019 года по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).

Контроль за соблюдением общих правил конкуренции возложен на Комиссию, если нарушение данных правил оказывает или может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках (пункт 3 консультативного заключения от 18 июня 2019 года по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5

рынков, осуществляется Комиссией в порядке, предусмотренном приложением № 19 к настоящему Договору».

Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).

[В] Критериях⁸⁷ предусмотрены специальные правила, применяемые дополнительно к общему географическому критерию в зависимости от нарушений в сфере конкуренции для целей их пресечения. Пункты 3 – 5 Критериев определяют дополнительные условия по видам запретов, установленных статьей 76 Договора, пресечение нарушений которых на трансграничных рынках относится к компетенции Комиссии (пункт 4 консультативного заключения от 18 июня 2019 года *по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).*

[П]ресечение нарушений запрета на действия (бездействие) хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение, результатом которых являются или может явиться негативное влияние на трансграничных рынках, осуществляется Комиссией при выполнении условий, установленных в пункте 5 Критериев⁸⁸. Компетенция Комиссии в сфере конкуренции на трансграничных рынках, в случае удовлетворения соответствующим критериям, является *исключительной* (пункт 4 консультативного заключения от 18 июня 2019 года *по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному,*

⁸⁷ Речь идет о Критериях отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

⁸⁸ Пунктом 5 Критериев установлены доли объема реализации или закупки на трансграничном рынке, представляющие собой *условия*, при выполнении которых устанавливается доминирующее положение хозяйствующего субъекта на трансграничном рынке, и, соответственно, злоупотребление таким положением с учетом негативного влияния на конкуренцию на трансграничном рынке, подлежит пресечению Комиссией. Данный вывод согласуется с пунктами 57 – 59 Методики. По мнению Суда, невыполнение условий пункта 5 Критериев означает отсутствие в действиях лица признаков нарушения пункта 1 статьи 76 Договора, что исключает полномочия Комиссии по пресечению таких действий (пункт 4 консультативного заключения от 18 июня 2019 года *по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).*

утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).

С точки зрения разграничения компетенции в Союзе *создана не совместная, а двухуровневая система регионального и национального ведения вопросов конкуренции* в зависимости от того, затронуты (или могут быть затронуты) негативным влиянием нарушения общих запретов трансграничные или национальный рынки. Вместе с тем, с учетом того, что трансграничный рынок охватывает товарные рынки государств – членов, негативное влияние (возможное негативное влияние) на трансграничные рынки и одновременно на национальный рынок государства – члена, следует рассматривать как единое нарушение на трансграничных рынках (пункт 5 консультативного заключения от 18 июня 2019 года *по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29).*

[П]раво Союза не предусматривает, что Комиссия не вправе своим решением возобновить производство по делу о защите принципов и правил конкуренции на трансграничных рынках по итогам судебного разбирательства и с учетом правовой позиции Суда, а также о том, что Комиссия не вправе возобновить рассмотрение дела о нарушении правил конкуренции на трансграничных рынках по другому составу правонарушения, в отношении которого не истекли сроки давности привлечения к ответственности (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).⁸⁹

[С]огласно пункту 12 Методики расчета и порядка наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках

⁸⁹ Так, согласно пункту 44 Порядка для дополнительной проработки установленных Коллегией Комиссии вопросов комиссия по рассмотрению дела возобновляет рассмотрение дела, о чем выносится соответствующее определение. Рассмотрение возобновленного дела осуществляется по правилам, установленным Порядком. Таким образом, согласно пункту 44 Порядка возобновление рассмотрения дела не исключается после вступления в силу решения Суда при условии соблюдения процессуальных пресекательных сроков (пункт 5.2. Решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

(утверждена решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 года № 118);...решение по делу о нарушении не может быть вынесено по истечении 3 лет со дня совершения нарушения. Следовательно, *право Союза предусматривает пресекательный трехлетний срок привлечения к ответственности за нарушение правил конкуренции на трансграничных рынках* (пункт 5.2 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

[Н]ормы о защите конкуренции в Союзе накладывают обязательства по их соблюдению и на хозяйствующих субъектов, осуществляющих профессиональную предпринимательскую деятельность в качестве участников экономического оборота на трансграничных рынках Союза. К таким обязательствам относится необходимость участия в антимонопольных расследованиях, проводимых Комиссией с целью проверки соблюдения всех требований к поведению (действиям, бездействию) на товарном рынке конкретного хозяйствующего субъекта (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

Расследование может подтвердить отсутствие в поведении хозяйствующего субъекта фактов антиконкурентной деятельности. Так, нормы о защите конкуренции содержат специальные правила об освобождении «группы лиц» от запретов на участие в некоторых соглашениях (например, пункт 7 Протокола), что в целях уточнения квалифицирующего состава влечет необходимость верной оценки поведения конкретного субъекта, а также определения соразмерной санкции. Возобновление рассмотрения дела направлено на защиту прав и интересов хозяйствующего субъекта (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

По общему правилу, одним из средств защиты хозяйствующих субъектов, действующих на трансграничном рынке Союза, является соответствие функционирования Комиссии принципу правовой определенности и процессуальной эффективности. Эти принципы налагают ограничение на властные публичные органы – в частности, правом Союза установлены пресекательные сроки как в отношении действий органов, проводящих

расследование, так и в отношении ненормативных актов (решений) органов Союза, завершающих расследование, равно как в отношении актов и действий, направленных на исполнение решений Суда. Как следует из ответов уполномоченных органов государств – членов Союза, подобные пресекательные сроки есть в антимонопольном законодательстве всех государств – членов Союза (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года по делу *закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» к Евразийской экономической комиссии*).

По вопросу о международно-правовом и национально-правовом регулировании деятельности естественных монополий

[Н]а основе общих принципов регулирования деятельности субъектов естественных монополий⁹⁰ и правил, установленных Приложением № 20⁹¹

⁹⁰ Как было отмечено выше, «сущность естественной монополии заключается в ее соответствии той рыночной ситуации, когда эффективное производство и распределение любого объема продукции или услуги возможно лишь при наличии единственного производителя, а величина издержек, при определенном уровне производства, для одного производителя меньше, чем для двух и более. Наличие конкурентов в этом случае ведет к неоправданным затратам на создание параллельной инфраструктуры. Такая рыночная ситуация возможна только в результате особенностей технологии, уникальности продукции и ресурсов, услуг, предоставляемых ими, и высоких барьеров входа на рынок, которые автоматически делают хозяйствующий субъект естественным монополистом и определяют его правовой статус» (пункт 4 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

⁹¹ Пункт 3 Приложения № 20 к Договору в обобщенном виде закрепляет общие принципы – основополагающие начала, которыми должны руководствоваться государства – члены при регулировании и (или) контроле за деятельностью субъектов естественных монополий, в том числе в сфере предоставления услуг железнодорожного транспорта, указанных в приложениях № 1 и № 2 Приложения № 20 к Договору, *такие как:*

соблюдение баланса интересов потребителей и субъектов естественных монополий государств – членов, обеспечивающего доступность оказываемых услуг и надлежащий уровень их качества для потребителей, эффективное функционирование и развитие субъектов естественных монополий;

применение гибкого тарифного (ценового) регулирования субъектов естественных монополий с учетом отраслевых особенностей, масштабов их деятельности, рыночной конъюнктуры, среднесрочных (долгосрочных) макроэкономических и отраслевых прогнозов, а также мер тарифного (ценового) регулирования этих субъектов, в том числе применение возможности установления дифференцированного тарифа, который не может быть установлен по принципу принадлежности потребителя (групп потребителей) к любому из государств – членов;

снижение барьеров доступа на внутренние рынки, в том числе путем обеспечения доступа к услугам субъектов естественных монополий;

к Договору, государства – члены применяют следующие виды (формы, способы, методы, инструменты) регулирования:

- 1) тарифное (ценовое) регулирование;
- 2) виды регулирования, установленные Приложением № 20 к Договору;
- 3) иные виды регулирования, установленные законодательством государств – членов (пункт 4 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

[Т]арифное (ценовое) регулирование деятельности субъектов естественных монополий осуществляется государствами – членами на основании подходов, определенных Договором (пункт 4 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).⁹²

обеспечение соблюдения субъектами естественных монополий правил доступа к услугам субъектов естественных монополий;

обеспечение соответствия устанавливаемых тарифов (цен) качеству услуг в сферах естественных монополий, на которые распространяется регулирование;

защита интересов потребителей, в том числе от различных нарушений субъектами естественных монополий, связанных с применением тарифов (цен) на регулируемые услуги (пункт 4 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года).

⁹² Большая коллегия Суда отмечает первостепенное значение тарифного (ценового) регулирования деятельности субъектов естественных монополий, которое производится на уровне государств – членов. Однако дискреция государств – членов в этом вопросе не абсолютна и может быть осуществлена в соответствии с пунктом 6 Приложения № 20 к Договору только путем:

- 1) установления (утверждения) национальным органом для субъектов естественных монополий тарифов (цен) на регулируемые услуги, в том числе их предельных уровней на основе утвержденной национальным органом методологии (формулы) и правил ее применения, а также соответствующего контроля национальным органом за применением установленных тарифов (цен) субъектами естественных монополий;

- 2) установления (утверждения) национальным органом методологии и правил ее применения, в соответствии с которыми субъект естественной монополии устанавливает и применяет тарифы (цены), а также контроля национальным органом за установлением и применением тарифов (цен) субъектами естественных монополий (пункт 4 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

*К сфере национального законодательства отнесено установление правил регулирования, обеспечивающих доступ к услугам субъектов естественных монополий. Контроль за соблюдением этих правил и условий подключения (присоединения, использования) к ним возложен на национальные органы государств – членов (пункт 13 Приложения № 20 к Договору). При этом доступ к услугам субъектов естественных монополий рассматривается как оказание субъектами естественных монополий одного государства – члена услуг, относящихся к сфере естественных монополий, потребителям другого государства – члена на условиях *не менее благоприятных*, чем те, на которых предоставляется аналогичная услуга потребителям первого государства – члена при наличии технической возможности (пункт 4 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).*

**По вопросу о применении унифицированного тарифа
в сфере транспорта**

[В] сфере транспорта государствами – членами осуществляется как *скоординированная*, так и *согласованная* политика⁹³ в зависимости от определенных в ней целей, поставленных задач и сформулированных приоритетов (пункт 2 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

Главной задачей скоординированной (согласованной) транспортной политики является формирование общего рынка транспортных услуг, определяемого как форма экономических отношений, при которых создаются

⁹³ Как было отмечено выше, согласно статье 2 Договора *скоординированная политика* – политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств – членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором. *Согласованная политика* – политика, осуществляемая государствами, предполагающая гармонизацию национального правового регулирования. Следовательно, Договор предусматривает, что в Союзе путем реализации указанных видов политик предусмотрена различная степень интеграции в зависимости от конкретных сфер отношений (пункт 1 консультативного заключения от 23 ноября 2021 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

равные и паритетные условия для оказания транспортных услуг во всем Евразийском экономическом союзе. Одним из основных приоритетов – *создание единого транспортного пространства ЕАЭС как совокупности транспортных систем государств – членов, в рамках которой обеспечивается беспрепятственное передвижение пассажиров, перемещение грузов и транспортных средств, их техническая и технологическая сопоставимость на основе гармонизированного законодательства государств – членов в сфере транспорта*. К числу других задач и приоритетов скоординированной (согласованной) транспортной политики статья 86 Договора относит

интеграцию транспортных систем государств – членов в мировую транспортную систему,

эффективное использование транзитного потенциала государств – членов,

повышение качества транспортных услуг,

обеспечение безопасности на транспорте,

снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека,

формирование благоприятного инвестиционного климата (пункт 2 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[Ц]ели Евразийского экономического союза как международной организации экономической интеграции и проводимой в ней скоординированной (согласованной) транспортной политики определяют направленность нормы пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу⁹⁴ на их достижение в соответствии с

⁹⁴ Приложение № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Пункт 13 Приложения № 2 к Протоколу конкретизирует понятие «по территориям государств – членов», использованное в пункте 8 Приложения № 2 к Протоколу, и устанавливает три ситуации, в которых каждое государство – член применяет свой унифицированный тариф: при перевозках грузов железнодорожным транспортом между государствами – членами через территорию другого государства – члена; при перевозках грузов железнодорожным транспортом между территориями государства – члена с участием железных дорог другого государства – члена; при перевозках грузов железнодорожным транспортом с территории одного государства – члена через территорию другого государства – члена в третьи страны через морские порты государств – членов и в обратном направлении (пункт 7 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

общими принципами функционирования Союза (пункт 8 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

***о применении унифицированного тарифа к грузовым перевозкам
железнодорожным транспортом в транзитном сообщении с участием
территории третьих государств***

*[С]фера железнодорожного транспорта в государствах – членах относится к естественным монополиям, а в соответствии с пунктом 3 статьи 78 Договора правоотношения в конкретных сферах естественных монополий определяются разделом XIX («Естественные монополии») Договора с учетом особенностей, предусмотренных разделами XX («Энергетика») и XXI («Транспорт») Договора (пункт 3 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).*

*[Р]егулирование... отношений, возникающих в сфере железнодорожных перевозок, осуществляется на основе и в соответствии с общими положениями, определяющими деятельность естественных монополий (пункт 3 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*)⁹⁵.*

[П]равовая норма, содержащаяся в пункте 6 Приложения № 2 к Протоколу⁹⁶, носит универсальный характер и распространяется на все виды услуг

⁹⁵ Согласно пункту 1 статьи 87 Договора положения раздела XXI («Транспорт») применяются к *автомобильному, воздушному, водному и железнодорожному* транспорту с учетом положений разделов XVIII («Общие принципы и правила конкуренции») и XIX («Естественные монополии») Договора и особенностей, предусмотренных Приложением № 24 к Договору.

⁹⁶ Пунктом 6 Приложения № 2 к Протоколу установлено общее правило, в соответствии с которым тарифы на услуги железнодорожного транспорта и (или) их предельный уровень (ценовые пределы) устанавливаются (изменяются) в соответствии с законодательством государств – членов и международными договорами с обеспечением возможности дифференциации тарифов в соответствии с законодательством своего государства – члена (пункт 5 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению*

(работ), оказываемых (выполняемых) организациями железнодорожного транспорта потребителям, в том числе:

перевозка грузов и дополнительные услуги (работы), связанные с организацией и осуществлением перевозки грузов (в том числе порожнего состава);

перевозка пассажиров, багажа, грузобагажа, почтовых отправлений и дополнительные услуги (работы), связанные с такой перевозкой;

услуги инфраструктуры (пункт 5 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

[П]редельны правомприменительного усмотрения уполномоченного национального органа, осуществляющего регулирование и (или) контроль за деятельностью субъектов естественных монополий по установлению (изменению) тарифов на услуги железнодорожного транспорта и (или) их предельных уровней (ценовых пределов), ограничены не только законодательством государства – члена, но и положениями Приложения № 2 к Протоколу (пункт 5 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года))⁹⁷.

Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

⁹⁷ Пункт 9 Приложения № 2 к Протоколу предоставляет право организациям железнодорожного транспорта, исходя из экономической целесообразности, принимать решения об изменении уровня тарифов на услуги железнодорожного транспорта по перевозке грузов в рамках предельных уровней (ценовых пределов), установленных или согласованных уполномоченными органами государств – членов в соответствии с их законодательством. Вместе с тем, пунктом 9 Приложения № 2 к Протоколу установлено, что предоставленным правом организации железнодорожного транспорта могут воспользоваться лишь для достижения строго определенных целей, таких как: повышение конкурентоспособности железнодорожного транспорта государств – членов; создание благоприятных условий для осуществления перевозок грузов железнодорожным транспортом; привлечение новых грузопотоков, ранее не осуществлявшихся железнодорожным транспортом; обеспечение возможности использования незадействованных или мало задействованных маршрутов перевозок грузов по железным дорогам; стимулирование роста объемов перевозок грузов по железным дорогам государств – членов, стимулирования внедрения новой техники и технологий (пункт 5 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению

[П]ри реализации предоставленного им права принимать решения об изменении уровня тарифов на услуги железнодорожного транспорта по перевозке грузов в рамках предельных уровней (ценовых пределов) организации железнодорожного транспорта *обязаны соблюдать принцип недопустимости создания преимуществ для конкретных потребителей услуги железнодорожного транспорта – хозяйствующих субъектов государств – членов*. Таким образом, Большая коллегия Суда считает, что государства – члены, закрепив принципы формирования тарифов на международном уровне, ограничили свою дискрецию на их установление ценовыми пределами (пункт 5 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

Договор о Евразийском экономическом союзе не содержит определения понятия «*унифицированный тариф*»⁹⁸. В связи с этим Большая коллегия Суда считает необходимым разъяснить, что *унификация* (от лат. *unus* – один, *facio* – делаю) означает приведение к единообразию, к единому виду, системе или форме и является эффективным, распространенным методом, направленным на устранение излишнего многообразия посредством сокращения перечня допустимых элементов и решений. *Унификация тарифа в рассматриваемом контексте состоит в том, что различные тарифы: экспортный, импортный и внутригосударственный, заменяются единым унифицированным тарифом. Суть унификации заключается в том, что государства – члены, придя к соглашению, добровольно отказались от протекционизма в сфере железнодорожных перевозок, но унифицированный тариф каждое из государств – членов устанавливает самостоятельно в рамках определенных им же пределов в соответствии с правилами, установленными пунктом 6 Приложения № 20 к Договору (пункт 6 консультативного*

Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

⁹⁸ Согласно пункту 8 Приложения № 2 к Протоколу при перевозке грузов железнодорожным транспортом по территориям государств – членов применяются унифицированные тарифы по видам сообщений (экспортный, импортный и внутригосударственный тарифы) (пункт 6 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[П]равовая норма пункта 8 Приложения № 2 к Протоколу, в отличие от правовой нормы, содержащейся в пункте 6 Приложения № 2 к Протоколу, носит специальный характер и *регулирует только общественные отношения, возникающие при оказании услуг организациями железнодорожного транспорта по перевозке грузов*. Однако и к унифицированным тарифам также применяется определенный пунктом 6 Приложения № 2 к Протоколу *институт предельных уровней (ценовых пределов)* (пункт 6 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[В] рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства в отношении грузовых железнодорожных перевозок был установлен унифицированный тариф также и при перевозке грузов с территории государства одной Стороны транзитом через территорию государства другой Стороны в третьи страны и в обратном направлении. Это значит, что обязанность применения унифицированных тарифов при перевозке грузов транзитом через территорию государства одной из Сторон возникала в зависимости от нахождения железнодорожного пункта отправления и (или) назначения на территориях государств Сторон. Иных требований или ограничений для применения унифицированного тарифа Соглашением предусмотрено не было (пункт 7 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[П]унктом 14 Приложения № 2 к Протоколу государства – члены скорректировали свои подходы к применению унифицированных тарифов, придя к соглашению о необходимости проведения скоординированной (согласованной) тарифной политики в соответствии с Концепцией установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств – участников Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года не только при перевозке грузов из третьих стран в третьи страны транзитом через территории государств – членов, но и при

перевозках грузов с территории одного государства – члена транзитом через территорию другого государства – члена в третьи страны и в обратном направлении, в отношении которых ранее согласно пункту 2 статьи 7 Соглашения⁹⁹ применялись унифицированные тарифы (пункт 8 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[П]ункт 13 Приложения № 2 к Протоколу расширил сферу применения государствами – членами унифицированного тарифа перевозками грузов железнодорожным транспортом между территориями государства – члена с участием железных дорог другого государства – члена и перевозками грузов железнодорожным транспортом с территории одного государства – члена через территорию другого государства – члена в третьи страны через морские порты государств – членов и в обратном направлении (пункт 8 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

Приложение № 2 к Протоколу изменило подходы к перевозке грузов в транзитном сообщении через территории государств – членов, *исключив возможность применения унифицированных тарифов в случаях, когда железнодорожный пункт отправления или железнодорожный пункт назначения груза находятся вне территории государств – членов Евразийского экономического союза*. Обязательным условием применения

⁹⁹ Согласно пункту 2 статьи 7 Соглашения с 1 января 2013 года унифицированный тариф каждой из Сторон подлежал применению как при перевозках грузов железнодорожным транспортом между государствами Сторон транзитом через территорию государства другой Стороны, так и при перевозках грузов железнодорожным транспортом с территории государства одной Стороны транзитом через территорию государства другой Стороны в третьи страны и в обратном направлении. Что касается скоординированной и согласованной тарифной политики в соответствии с Концепцией установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств – участников Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года, то она применялась в соответствии с пунктом 1 статьи 7 Соглашения только при перевозках грузов транзитом по железным дорогам государств Сторон из третьих стран в третьи страны (пункт 7 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

унифицированных тарифов в соответствии с пунктом 13 Приложения № 2 к Протоколу *стало только нахождение начального и конечного пунктов железнодорожной перевозки грузов на территориях государств – членов.* В этом случае действует презумпция, что прохождение груза через территории нескольких государств – членов или транзитом через территорию третьего государства для применения унифицированных тарифов на основании пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу существенного значения не имеет (пункт 8 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[П]еревозки грузов железнодорожным транспортом между территориями государств – членов (в том числе и через морские порты государств – членов в третьи страны и в обратном направлении), между территориями одного и того же государства – члена с участием железных дорог другого государства – члена *не могут считаться транзитными. Государство – член, являющееся промежуточным в пути следования груза, обязано применять унифицированный тариф* на основании пунктов 8 и 13 Приложения № 2 к Протоколу независимо от участия в подобных перевозках территории третьей страны, которая находится вне единого экономического пространства (пункт 8 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[Т]олько в регулируемых пунктом 14 Приложения № 2 к Протоколу случаях территория государства – члена является транзитной, что предполагает проведение скоординированной (согласованной) тарифной политики в соответствии с Концепцией установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств – участников Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года. Следовательно, *железнодорожные перевозки грузов между государствами – членами Союза, а также между государствами – членами Союза с пересечением территории третьего государства являются внутренними перевозками Союза, к которым применяется унифицированный тариф.* Иное понимание пунктов 13 и 14 Приложения № 2 к Протоколу будет противоречить таким целям скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС, как формирование единого транспортного пространства и обеспечение доступа потребителей государств – членов к услугам железнодорожного транспорта при осуществлении перевозок по территории каждого государства – члена на условиях не менее благоприятных, чем условия,

созданные для потребителей этого каждого государства – члена (пункт 8 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

Положения пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу в части применения унифицированных тарифов применимы к перевозкам грузов, если железнодорожные пункт отправления и пункт назначения находятся на территориях государств – членов и потребителем услуги железнодорожного транспорта является хозяйствующий субъект государства – члена Союза, *при этом ни количество промежуточных территорий государств – членов, ни факт транзита через территории третьих стран не имеют значения, тем более, когда перевозка груза транзитом обусловлена особенностями расположения железнодорожных путей сообщения (пункт 8 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года))*¹⁰⁰.

По вопросу об уплате таможенных платежей

о солидарной ответственности таможенного представителя и декларанта за уплату указанных платежей; соотношение права Союза и права государства – члена Союза

Совокупный анализ... норм ТК ЕАЭС свидетельствует *о закреплении в праве Союза солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта по уплате таможенных платежей*. В то же время указанные нормы не наделяют таможенного представителя либо декларанта какими – либо правами, касающимися процедуры взыскания таможенных платежей солидарным должником, исполнившим солидарную обязанность по уплате таможенных платежей (в том числе регрессного). До вступления в силу ТК

¹⁰⁰ Как было отмечено выше, цели Евразийского экономического союза как международной организации экономической интеграции и проводимой в ней скоординированной (согласованной) транспортной политики определяют направленность нормы пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу на их достижение в соответствии с общими принципами функционирования Союза (пункт 8 консультативного заключения от 20 ноября 2017 года *по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

ЕАЭС ТК ТС не содержал аналогичной нормы и указывал на национальное регулирование солидарной обязанности таможенного представителя (пункт 4 статьи 367 ТК ТС) (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

[П]раво Союза, действовавшее на момент возникновения правоотношений между декларантом и истцом, а также на момент исполнения солидарной обязанности и предъявления требования таможенным представителем к декларанту, не содержало норм о взыскании солидарным должником, исполнившим солидарную обязанность по уплате таможенных платежей, с другого солидарного должника. В этой связи Апелляционная палата приходит к выводу, что *вопросы предъявления требования истцом в адрес декларанта о взыскании денежных средств как в период действия ТК ТС, так и со вступлением в силу ТК ЕАЭС не регулируются правом Союза и относятся к сфере регулирования национального права* (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

[О]тношения, связанные с уплатой таможенных платежей и установлением солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя как солидарных должников перед кредитором в лице таможенного органа, являются публично – правовыми и регулируются нормами права Союза, а иные отношения между указанными субъектами, в том числе возникающие в связи с правом требования при исполнении солидарной обязанности, носят частноправовой характер и регламентированы национальным законодательством государств – членов (пункт 5.3 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

Обязанность по уплате таможенных платежей является по своей природе публичным обязательством, возникающим между хозяйствующим субъектом и государственным органом как необходимое условие таможенного оформления товаров (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

Исходя из пунктов 1 и 2 статьи 401 ТК ЕАЭС, таможенный представитель в соответствии с договором совершает от имени и по поручению декларанта

или иных заинтересованных лиц таможенные операции. Подпунктом 4 пункта 1 статьи 405 ТК ЕАЭС установлено, что таможенный представитель реализует предусмотренную пунктом 4 статьи 405 ТК ЕАЭС обязанность по уплате таможенных пошлин и платежей в сроки, определенные ТК ЕАЭС, неисполнение которой в силу подпункта 2 пункта 1 статьи 403 ТК ЕАЭС является основанием для исключения хозяйствующего субъекта из реестра таможенных представителей (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии).

[Т]ребование таможенного органа об уплате таможенным представителем таможенных пошлин и платежей и обязанность таможенного представителя об их уплате следуют не из договора, а из нормы права Союза, и не предполагает возможность усмотрения хозяйствующего субъекта при получении требования об уплате таможенного органа (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии).

Буквальное толкование пунктов 4, 7 статьи 405 ТК ЕАЭС позволяет констатировать о том, что *солидарная обязанность по уплате таможенных платежей является императивной нормой*, права и обязанности таможенного представителя в отношении перемещаемого товара при совершении таможенных операций определяются договором с декларантом (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии).

Систематическое толкование статей 401, 403 и 405 ТК ЕАЭС позволяет Апелляционной палате Суда прийти к выводу, что *правом Союза солидарная обязанность таможенного представителя по уплате таможенных пошлин и платежей выделена из отношений, регулируемых национальным правом, и передана на уровень Союза* (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии).

[П]ублично-правовой характер солидарной обязанности по уплате таможенных платежей таможенным представителем возникает между таможенным представителем и государством – членом в связи с деятельностью таможенного представителя от имени декларанта

(пункт 4 статьи 405 ТК ЕАЭС) и прекращается исполнением таможенного обязательства (пункт 5.4 решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» к Евразийской экономической комиссии*).

о зачислении и распределении уплаченных (взысканных) ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств – членов Союза

В соответствии со статьей 26 Договора о Союзе *уплаченные (взысканные) ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств – членов*. Зачисление и распределение сумм ввозных таможенных пошлин, их перечисление в доход бюджетов государств – членов осуществляются в порядке, установленном Протоколом¹⁰¹ (пункт 1 консультативного заключения от 16 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[С] формированием Таможенного союза Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация приняли на себя международно-правовые обязательства по применению с 1 сентября 2010 года единого таможенно-тарифного регулирования при исчислении ввозных таможенных пошлин, а также их распределения между бюджетами данных государств (пункт 1 консультативного заключения от 16 октября 2019 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

Контекстное толкование статьи 26 Договора о Союзе и пункта 1 Протокола позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод, что *уплата ввозных таможенных пошлин в отношении перемещаемых на таможенную территорию Союза товаров является юридическим фактом, с которым связано возникновение обязательств по зачислению и распределению сумм*

¹⁰¹ Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств – членов Союза (пункт 6 консультативного заключения от 16 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

[В]возная таможенная пошлина в значении права Союза уплачивается по ставкам Единого таможенного тарифа Союза и только в случае пересечения товарами таможенной границы Союза и прибытия на территорию его государств – членов (пункт 7 консультативного заключения от 16 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года))¹⁰².

Анализ статьи 25 Договора, закрепляющей принципы, на основе которых действует таможенный союз, свидетельствует, что распределению ввозных таможенных пошлин сопутствует функционирование внутреннего рынка товаров и их свободное перемещение между территориями государств – членов. *Свобода перемещения товаров обеспечивается, в том числе уплатой ввозных таможенных пошлин по ставкам Единого таможенного тарифа*

¹⁰² Под *ввозной таможенной пошлиной*, согласно пункту 2 статьи 25 Договора о Союзе, понимается обязательный платеж, взимаемый таможенными органами государств – членов в связи с ввозом товаров на таможенную территорию Союза. Подпунктом 3 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза под ввозом товаров на таможенную территорию Союза определено совершение действий, которые связаны с пересечением таможенной границы Союза, в результате которых товары прибыли на таможенную территорию Союза любым способом. В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Таможенного кодекса Союза его таможенную территорию составляют территории государств – членов, а также находящиеся за их пределами искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых государства – члены обладают исключительной юрисдикцией. Пунктами 1 и 2 статьи 53 Таможенного кодекса Союза установлено, что для исчисления ввозных таможенных пошлин применяются ставки Единого таможенного тарифа Союза, действующие на день регистрации таможенным органом таможенной декларации (пункт 7 консультативного заключения от 16 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

Союза при их ввозе на таможенную территорию Союза (пункт 7 консультативного заключения от 16 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

[П] *Порядок зачисления и распределения между государствами – членами Союза сумм ввозных таможенных пошлин, установленный Протоколом, применяется при одновременном соблюдении следующих условий:*

ввозные таможенные пошлины начислены за товары, ввозимые (ввезенные) на таможенную территорию Союза (таможенного союза);

суммы соответствующих таможенных пошлин подлежат уплате по ставкам Единого таможенного тарифа Союза, обязанность по уплате которых возникла в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза (пункт 8 консультативного заключения от 16 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

По вопросу о налогообложении; соотношение права Евразийского экономического союза и права государства – члена Союза

Из анализа права Союза следует, что статьями 71 – 73 Договора и Протоколом о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг, являющимся приложением № 18 к Договору, установлены принципы и порядок взимания косвенных налогов (пункт 3 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Договор и международные договоры в рамках Союза не наделили интеграционное объединение компетенцией в области прямого

налогообложения, что свидетельствует о регулировании соответствующих правоотношений законодательством государств – членов. Данному подходу соответствует позиция Суда, изложенная в решении Апелляционной палаты от 2 июня 2016 года по делу ООО «Севлад», согласно которой налоговые правоотношения отнесены правом Союза к национальной юрисдикции (абзац 9 пункта 7.3 решения). Применение данной позиции в аспекте вопроса заявителя дает основания для вывода, согласно которому установление особенностей налогообложения прямыми налогами относится к компетенции государств – членов и не входит в сферу действия права Союза (пункт 3 консультативного заключения от 10 июля 2020 года по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Несовпадение описания товаров для целей налогообложения (ставки акциза) с наименованием товарных позиций в ТН ВЭД ТС, применяемым для таможенной классификации этих товаров, является характерным не только для налогового законодательства всех государств – членов ТС и ЕЭП, Союза, но и для законодательства о техническом регулировании (пункт 5 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).

*[У]становление перечня подакцизных товаров не входило в компетенцию Таможенного союза, в настоящее время не входит в компетенцию Союза и является исключительным правом государства – члена. В компетенцию государства – члена входит также определение признаков товара, подлежащего обложению акцизным налогом, что не противоречило Договору о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года и не противоречит Договору о Союзе, иным международным договорам в рамках Союза (пункт 5 раздела VII решения Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии*).*

Порядок взимания НДС, осуществляемого при ввозе товара на таможенную территорию, предполагает *двухуровневое правовое регулирование:*

таможенное законодательство Союза

и национальное законодательство государства – члена (пункт 7.2.10 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

Порядок взимания таможенных пошлин строится на принципе свободного перемещения товаров, работ и услуг по территории Союза, в связи с этим *порядок администрирования таможенных пошлин устанавливается международными нормами* (пункт 7.2.10 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

Установление юридического состава, который обуславливает уплату НДС, в свою очередь, связано с территориальной принадлежностью объекта налогообложения, то есть осуществляется на основе принципов резидентства и страны назначения. *Являясь, по сути, налогом на потребление, бремя уплаты НДС как косвенного налога возлагается на конечных потребителей ввозимого товара*, выпущенного в свободное обращение государств – членов Союза. Таким образом, государство – член Союза, исходя из своих экономических ориентиров, самостоятельно конкретизирует объект налогообложения, налоговую базу и налоговую ставку и, как следствие, вводит льготы по уплате НДС в виде установления пониженной налоговой ставки (пункт 7.2.10 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

Системное толкование норм части третьей пункта 2 статьи 74, пункта 3 статьи 75, части второй пункта 4 статьи 76 Таможенного кодекса также свидетельствует о том, что *администрирование НДС определяется национальным законодательством государств – членов Союза*. Ни Договор, ни международные договоры, заключенные в рамках Союза, не регулируют порядок налогообложения товаров, ввозимых на территорию государств – членов из третьих государств, включая предоставление льгот по уплате налогов (пункт 7.2.10 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

Таможенный кодекс как международный договор предусматривает исключительную дискрецию государств – членов Союза по установлению и применению льгот по уплате налогов (статья 74 Таможенного кодекса) (пункт 7.2.10 решения Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года по делу *общества с ограниченной ответственностью «Севлад» к Евразийской экономической комиссии*).

По вопросу о свободе передвижения лиц в Евразийском экономическом союзе, в том числе трудовых мигрантов

общие положения

В праве Союза свобода движения трудящихся государств – членов обеспечивается их гарантиями и правами (пункт 6 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Взаимосвязанное прочтение пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора¹⁰³ свидетельствует, что содержащиеся в них правовые нормы адресованы государствам – членам Союза, работодателям, заказчикам работ (услуг) и трудящимся государствам – членам (пункт 2 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Первое предложение пункта 1 статьи 97 Договора устанавливает право работодателя и заказчика работ (услуг) привлекать к осуществлению трудовой деятельности¹⁰⁴ трудящихся государств – членов *без учета*

¹⁰³ Пунктом 1 статьи 97 Договора установлено, что работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства – члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств – членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. Трудящимся государств – членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства. Согласно пункту 2 статьи 97 Договора государства – члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств – членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств – членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания (пункт 2 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

¹⁰⁴ «Под «*трудовой деятельностью*» понимается деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора, осуществляемая на территории государства трудоустройства в соответствии с законодательством этого государства» (пункт 3 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

ограничений по защите национального рынка труда (пункт 2 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Уяснение второго предложения пункта 1 статьи 97 Договора свидетельствует, что государства – члены не вправе требовать от трудящихся государств – членов получения разрешения на осуществление трудовой деятельности (пункт 2 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

По смыслу пункта 2 статьи 97 Договора государства – члены взяли на себя обязательство не устанавливать ограничения в целях защиты национального рынка труда, а если такие ограничения установлены, то не применять их к трудящимся государств – членов, *за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств – членов в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка* (пункт 2 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Тот факт, что формулировки пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора наделяют работодателей, заказчиков работ (услуг) и трудящихся государств – членов правами, а также являются достаточно четкими и ясными, не требуют имплементации в национальное законодательство, *позволяет констатировать наличие у них свойств прямого действия и непосредственного применения* (пункт 2 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Трудящийся государства – члена [с целью получения возможности пользоваться правами и свободами, содержащимися в праве Союза] *должен отвечать [следующим] требованиям:*

- а) обладать гражданством одного из государств – членов;
 - б) законно находиться на территории государства трудоустройства;
 - в) на законном основании осуществлять на территории государства – члена трудоустройства деятельность по выполнению работ или оказанию услуг на основании трудового договора или гражданско-правового договора;
 - г) не являться гражданином государства трудоустройства;
-

д) получать вознаграждение за осуществление своей деятельности (пункт 3 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[Г] государствам – членам при противоречии права Союза и актов национального законодательства, в том числе по вопросу применения ограничений трудовой деятельности профессиональных спортсменов, не соответствующих пункту 2 статьи 97 Договора, *следует руководствоваться положениями права Союза* (пункт 7 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

о возможности ограничения прав и свобод лиц в сфере трудовой миграции

Понятие «ограничения» может распространяться на меры, которые затрудняют или удерживают граждан государств – членов Союза от реализации своего права на осуществление трудовой деятельности в ином государстве – члене (пункт 6 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Из содержания пункта 2 статьи 97 Договора¹⁰⁵ следует, что запрещается установление или применение *трех видов ограничений*.

Во-первых, запрещены ограничения *в отношении осуществляемой трудовой деятельности*. Это ограничения, которые касаются условий реализации трудовой функции при наличии трудовых или гражданско-правовых отношений между трудящимся государства – члена и работодателем/заказчиком работ (услуг), к примеру, в отношении условий труда, заработной платы, возможности выступать на соревнованиях. Тот факт, что данные положения касаются не найма игроков, на что не

¹⁰⁵ Как отмечено выше, согласно пункту 2 статьи 97 Договора ограничения в сфере трудовой миграции не допустимы, но могут быть установлены Договором и законодательством государств – членов только в целях обеспечения

национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение)

и общественного порядка в отношении осуществляемой трудящимися государств – членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания (пункт 4 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

установлены ограничения, а возможности клуба выставить их на игры в официальных матчах, не имеет значения. Поскольку участие в таких матчах является основной целью деятельности профессионального игрока, правило, ограничивающее такое участие, также ограничивает *право спортсмена на получение работы*.

Во-вторых, запрет *касается рода занятий*, то есть ограничений, налагаемых на доступ к определенной профессии. Примером таких ограничений является резервирование определенных видов деятельности за гражданами соответствующего государства, установление квот, пропорциональных соотношений граждан и не граждан, либо предъявление к не гражданам дополнительных требований для доступа к определенному виду трудовой деятельности....

В-третьих, запрещены ограничения *в отношении территории пребывания*, то есть препятствия по доступу к работе, обусловленные обязательным проживанием в определенной местности. Такие требования являются ограничением, поскольку их заведомо легче выполнить гражданам соответствующего государства. Тот факт, что такое требование может являться ограничением и в отношении части собственного населения, не ставит под сомнение данный вывод. Таким образом, норма Договора распространяется на любые ограничения, устанавливаемые или применяемые в государстве – члене с целью защиты национального рынка труда, имеющие целью запретить (ограничить) приток на такой рынок работников, обладающих гражданством иных государств – членов Союза (пункт 4 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

Пункт 2 статьи 97 Договора допускает возможность установления Договором и законодательством государств – членов ограничений *«в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка»*. В случае если государственные меры подпадают под действие Договора и представляют собой ограничения в отношении осуществляемой трудящимися государств – членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания, необходимо проанализировать, *могут ли подобные ограничения быть оправданы целью защиты общественных интересов*. При этом ограничения могут содержать как меры общего характера, так и меры индивидуальные, в отношении конкретных лиц, принимаемые по соображениям национальной безопасности и общественного порядка. *Государства – члены обладают дискрецией в определении мер национальной безопасности и общественного порядка, а также отраслей экономики, имеющих стратегическое значение*. Вместе с тем государственные меры *должны быть пропорциональны*, то есть соответствовать достижению поставленных задач по обеспечению национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих

стратегическое значение) и общественного порядка и предусматривать лишь то, что необходимо для их достижения (пункт 5 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

о свободе передвижения в Евразийском экономическом союзе лиц, занимающихся профессиональным спортом; соотношение права Союза и права государства – члена Союза

*Для регламентации деятельности в сфере профессионального спорта характерно сочетание государственного правового регулирования и саморегулирования организациями физической культуры и спорта. При этом государства – члены устанавливают для организаций физической культуры и спорта пределы регулирования труда профессиональных спортсменов, ограничивая их правовыми рамками и предоставляя возможность разрешения трудовых споров в сфере профессионального спорта в национальных суда (пункт 2 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).*

[В]не зависимости от положения, которым *профессиональные спортсмены* обладают в соответствии с законодательством каждого из государств – членов Союза, *они являются трудящимися* по смыслу права Союза, обладают единым статусом в рамках Союза и пользуются предоставленными Договором правами и законными интересами (пункт 3 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

В силу положений законодательства государств – членов Союза *деятельность профессиональных спортсменов регулируется нормами трудового и гражданского права, а также актами международных и национальных организаций физической культуры и спорта* (пункт 3 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[В]о всех государствах – членах *деятельность профессиональных спортсменов соответствует понятию трудовой деятельности и на нее в той части, которая связана с реализацией трудовой функции спортсмена, распространяется действие пункта 2 статьи 97 Договора* (пункт 3 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года *по заявлению*

Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Ограничения возможности участия профессиональных спортсменов, выступающих в профессиональных клубах, в спортивных соревнованиях, представляют собой ограничения в осуществляемой трудовой деятельности (реализации трудовой функции). Анализ законодательства государств – членов показал, что участие в спортивных соревнованиях представляет собой трудовую функцию профессионального спортсмена. Данное ограничение влечет последствия и для доступа иностранных спортсменов к рынку труда поскольку делает заключение трудовых договоров со спортсменами из других государств – членов менее привлекательным для спортивных клубов (пункт 4 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Положения пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора не допускают применение и установление ограничений трудовой деятельности профессиональных спортсменов, являющихся трудящимися государств – членов на уровне национального законодательства и подзаконных актов, а также запрещают применять соответствующие ограничения организациям физической культуры и спорта, являющимся работодателями профессиональных спортсменов, независимо от того, установлены соответствующие ограничения законами или подзаконными актами либо введены локальными актами соответствующей организации (пункт 5 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[П]равило, ограничивающее количество профессиональных иностранных игроков, являющихся гражданами государств – членов Союза, представляет собой ограничение трудовой деятельности (в случае расторжения заключенного трудового договора) или ограничение в отношении рода занятий, в той мере, в какой оно непосредственно затрагивает участие таких игроков в соревнованиях, а также возможность заключения трудового договора с профессиональными спортсменами – трудящимися государств – членов Союза. Установление или применение подобного ограничения запрещено пунктом 2 статьи 97 Договора (пункт 5 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Если ограничение затрагивает трудовую деятельность профессионального спортсмена, то оно подпадает под действие пункта 2 статьи 97 Договора, а если соответствующее ограничение касается лишь сферы спорта, действие права Союза на него не распространяется (пункт 6 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Профессиональная спортивная деятельность юридических лиц (федераций видов спорта, клубов и других), участвующих в спортивных соревнованиях и имеющих целью достижение высоких спортивных результатов и получение прибыли, имеет особенности правового регулирования в государствах – членах Союза (пункт 6 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Трудовые отношения спортсменов, не являющихся гражданами государства – члена, на территории которого осуществляется профессиональная спортивная деятельность, регулируются трудовым законодательством данного государства – члена. Это предполагает неприменение к ним ограничений в целях защиты национального рынка труда по смыслу пункта 2 статьи 97 Договора (пункт 6 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Ограничения количества профессиональных спортсменов, выступающих в профессиональных клубах и имеющих возможность участвовать в национальных спортивных соревнованиях, являются недопустимыми, поскольку ставят спортсменов, граждан иных государств – членов Союза, в неравное положение по сравнению со спортсменами, являющимися гражданами государства, где осуществляется трудовая деятельность. Большая коллегия Суда обращает внимание на недопустимость установления в национальном законодательстве государств – членов ограничений трудовой деятельности по признаку гражданства государства – члена (пункт 6 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Н]еприменение государствами – членами пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществляемой профессиональными спортсменами, являющимися трудящимися государств – членов, трудовой деятельности в организациях физической культуры и спорта государства трудоустройства, является барьером, препятствующим достижению цели формирования

единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза (пункт 7 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

По вопросу защиты трудовых прав и свобод лиц, являющихся должностными лицами (сотрудниками) Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза

общие положения

Внутреннее право международной организации в части регулирования отношений по вопросам международной гражданской службы направлено на исключение влияния на служащего национального права, вследствие чего обеспечивается независимость соответствующего служащего при принятии им решений. Во внутреннем праве международных организаций необходимо закрепление норм, охватывающих максимальный круг отношений по вопросам несения службы (включая вопросы аттестации). Национальное право при этом регулирует отношения, вытекающие исключительно из имущественной сферы (например, пенсионного обеспечения). Акты ЕАЭС в целом соответствуют указанным принципам, однако по некоторым вопросам носят общий характер и могут быть конкретизированы как самим органом, издавшим соответствующий акт, так и Судом в процедуре, установленной в пункте 46 Статута Суда (стр. 7 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

соотношение права Евразийского экономического союза и права государства – члена Союза в аспекте защиты трудовых прав и свобод должностных лиц (сотрудников) Комиссии и Суда

[Э]лементы трудового статуса сотрудников органов Союза, которые не урегулированы правом Союза и к которым применяются нормы национального законодательства, базируются на основополагающих нормах – целях, нормах – принципах учредительных актов Союза (пункт 7 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Национальные нормы применимы к трудовым отношениям с участием органов Союза в пределах, установленных правом Союза. В этой связи

Большая коллегия Суда исходит из приоритета норм Договора. С данным утверждением корреспондируют нормы части второй статьи 10¹⁰⁶ и статьи 11 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которым «если международным договором Российской Федерации установлены другие правила, чем предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, применяются правила международного договора», «на территории Российской Федерации правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с участием международных организаций, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации» (пункт 7 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[П]рименимость к сотрудникам Комиссии норм законодательства государства пребывания, регулирующих трудовые отношения, должна определяться в том числе с учетом их правового статуса международных служащих (пункт 8 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года*).

[К] сотрудникам ЕЭК... нормы Трудового кодекса Российской Федерации [регулирующие расторжение трудового договора]¹⁰⁷ не могут быть

¹⁰⁶ В силу статьи 10 Трудового кодекса Российской Федерации в редакции от 30 апреля 2021 года «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации».

Если международным договором Российской Федерации установлены другие правила, чем предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, применяются правила международного договора.

Не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом».

¹⁰⁷ Нормы Трудового кодекса Российской Федерации, регулирующие *расторжение* трудового договора в связи с сокращением численности или штата, содержат положения о предоставлении работникам, чьи должности сокращаются, ряда гарантий: выходные пособия (статья 178), преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников (статья 179), предложение вакантных должностей (часть первая статьи 180), предварительное предупреждение об увольнении (часть вторая статьи 180), дополнительная компенсация при расторжении трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении (часть третья статьи 180) (пункт 9 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года *по заявлению Евразийской*

применимы, поскольку это обусловлено особым порядком занятия (замещения) должностей, основанном на конкурсном отборе. *Нормативно установленная необходимость прохождения конкурса делает перевод на другую имеющуюся в департаментах Комиссии должность невозможным без прохождения конкурсного отбора* (пункт 9 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

В Консультативном заключении Суда..... от 3 июня 2016 года [по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98] указывается, что внутреннее право международной организации в части регулирования отношений по вопросам международной гражданской службы *направлено на исключение влияния на служащего национального права*, вследствие чего обеспечивается независимость соответствующего служащего при принятии им решений; во внутреннем праве международных организаций необходимо закрепление норм, охватывающих максимальный круг отношений по вопросам несения службы (пункт 12 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Международно-правовой статус Союза предполагает самостоятельное регулирование Союзом взаимоотношений с собственным персоналом. В силу этого учредительный договор Союза выступает как основополагающий правовой акт в регулировании его внутренней организации. Составной частью такого регулирования должна являться регламентация трудовых правоотношений в органах Союза (пункт 15 консультативного заключения от 11 декабря 2017 года по заявлению заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилова Бауыржана Маратовича о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

***о проведении организационно – штатных мероприятий в аппаратах
Комиссии и Суда***

[П]онятие «организационно – штатные мероприятия» является общим по отношению к сокращению численности или штата сотрудников. Большая коллегия Суда исходит из того, что сокращение численности – это уменьшение количества сотрудников, сокращение штата – изменение штатного расписания за счет ликвидации определенных должностей (пункт 5 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Проведение организационно – штатных мероприятий в силу описанных характеристик данного явления, как правило, сопровождается необходимостью высвобождения сотрудников. Большая коллегия Суда полагает необходимым отметить в связи с этим, что сокращение численности или должностей (штата) является дискрецией организации, обусловленной экономической целесообразностью или эффективностью найма персонала. Это подтверждено наличием стандартных положений такого рода в правилах для персонала международных организаций... Вместе с тем, Большая коллегия Суда считает необходимым указать, что дискреция организации имеет свои пределы, обусловленные критериями

*обоснованности,
объективности,
законности,
недискриминации,
стабильности,*

предоставления необходимого уровня гарантий и адекватных средств правовой защиты сокращаемым (высвобождаемым) сотрудникам (пункт 6 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Принцип недискриминации провозглашен в Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий от 25 июня 1958 года (далее – Конвенция № 111), участниками которой являются 175 государств, в том числе все государства – члены Союза; нормы Конвенции № 111 относятся, тем самым, к праву, применимому при отправлении правосудия в рамках Союза, как общепризнанные нормы, а также как международный договор, участниками которого являются государства – члены. Указанный принцип тесным образом связан с принципом равенства перед законом и правом на равную, без всякого различия, защиту закона, равную защиту от дискриминации, закрепленным Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 года (статья 7) (пункт 6 консультативного заключения

от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Исключением из принципа равенства являются случаи правомерной дискриминации, когда та или иная группа лиц выделяется в качестве бенефициара каких – либо льгот, на основании особой уязвимости своего положения. Необходимо учитывать, однако, что и в основе привилегий для таких лиц лежит равенство как основа трудового статуса (пункт 6 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[Д]ействия органа международной организации должны быть направлены на максимальное и добросовестное выполнение обязательств по отношению к высвобождаемым сотрудникам, однако при этом они не могут выходить за рамки компетенции (пункт 9 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

[П]озиция добросовестного выполнения органами управления международной организации по отношению к высвобождаемым сотрудникам дополняется обязанностью по соблюдению приоритетного положения штатных сотрудников... De lege lata (с точки зрения закона действующего, существующего) в праве Союза такие механизмы в настоящее время не предусмотрены (пункт 10 консультативного заключения от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

о проведении аттестации сотрудников Комиссии

Право Союза не содержит определения термина «*аттестация сотрудников*». Пунктом 2 Положения о проведении аттестации¹⁰⁸ установлена цель аттестации как *определение соответствия сотрудника Комиссии замещаемой должности на основе оценки его профессиональной служебной деятельности*. Исходя из системного анализа положений подпункта «д» пункта 14, абзаца первого пункта 16, пункта 20 Положения о проведении аттестации Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что

¹⁰⁸ Положение о проведении аттестации утверждено Решением Совета Комиссии в рамках полномочий, предоставленных ему на основании Договора от 29 мая 2014 года. В соответствии с абзацем 12 пункта 54 Положения о ЕЭК сотрудники Комиссии проходят аттестацию в порядке, утверждаемом Советом Комиссии.

аттестацию следует рассматривать как совокупность действий по оценке профессиональных и личностных качеств сотрудника, результатов его профессиональной деятельности и квалификации. Предложенное определение термина «аттестация» основывается на том, что все качества сотрудника Комиссии, в том числе личностные, оцениваются в ходе аттестации исключительно в аспекте его профессиональной служебной деятельности. Большая коллегия Суда полагает, что процедура аттестации сотрудника Комиссии представляет собой комплекс мероприятий по организации и проведению оценки его профессиональной деятельности. Она включает ряд подготовительных мероприятий, регламентированных Положением о проведении аттестации (формирование и утверждение состава аттестационной комиссии, утверждение графика и формы проведения аттестации, определение списка аттестуемых сотрудников, подготовка необходимой документации, в том числе отзыва об исполнении аттестуемым сотрудником служебных обязанностей), и непосредственно проведение заседания аттестационной комиссии (рассмотрение представленных документов, заслушивание сотрудника, а в случае необходимости – должностного лица структурного подразделения, в котором аттестуемый сотрудник замещает должность), завершается она оформлением результатов аттестации (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

[У]словие и критерии оценки профессиональной служебной деятельности аттестуемого сотрудника и правовые основания такой оценки надлежащим образом раскрыты в пункте 16 Положения о проведении аттестации..., а критерий мотивированной оценки профессиональных, личностных качеств и результатов профессиональной служебной деятельности аттестуемого сотрудника закреплен подпунктом «д» пункта 14 Положения и подлежит обязательному учету в отзыве об исполнении аттестуемым сотрудником служебных обязанностей за аттестационный период (пункт 14 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

[Л]ичностные качества работника могут быть подвергнуты оценке при проведении аттестации. Однако эти качества должны подлежать обсуждению и оценке при условии, если они обусловлены исключительно спецификой функций работника, то есть только в случаях, когда его личностные качества необходимы для выполнения не любой работы, а работ

определенного рода (например, связанных с властно – распорядительными функциями). Данный вывод обусловлен тем обстоятельством, что если какие – либо особенности личности или моральные качества действительно (объективно) необходимы для выполнения конкретной работы и закреплены в соответствующих актах (квалификационной характеристике, должностной инструкции, трудовом договоре), они подлежат оценке как деловые качества работника. В этом случае можно говорить о том, что наличие (или отсутствие) таких качеств, влияет на соответствие работника занимаемой должности (пункт 14 консультативного заключения от 3 июня 2016 года *по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98*).

По итогам заслушивания аттестуемого сотрудника представляется обоснованной возможность членов аттестационной комиссии задать ему вопросы, имеющие своей целью обеспечение всесторонней оценки профессиональной деятельности аттестуемого сотрудника. Системное толкование норм Положения о проведении аттестации позволяет прийти к выводу, что *при проведении аттестации требования к знанию международных договоров и актов, составляющих право Союза, следует ограничивать сферой деятельности соответствующего структурного подразделения Комиссии* (пункт 15 консультативного заключения от 3 июня 2016 года *по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98*).

Положение о проведении аттестации как нормативно – правовой акт органа Союза не только устанавливает норму безусловного приоритета принципа объективности оценки профессиональных качеств аттестуемых сотрудников Комиссии посредством делегирования им права на представление самостоятельно подготовленных дополнительных сведений о своей профессиональной деятельности, но и закрепляет правовой механизм реализации данной нормы сотрудниками. Так, абзац пятый пункта 15 Положения о проведении аттестации содержит норму о том, что в целях объективного проведения аттестации после рассмотрения представленных аттестуемым сотрудником дополнительных сведений о своей профессиональной служебной деятельности за аттестационный период аттестационная комиссия вправе перенести аттестацию на следующее заседание (пункт 16 консультативного заключения от 3 июня 2016 года *по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о*

разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

Заявление о несогласии с представленным отзывом или пояснительная записка аттестуемого сотрудника носят иную целевую направленность, чем представление дополнительных сведений о своей профессиональной деятельности. Целью представления дополнительных сведений является восполнение информации о деятельности сотрудника, не включенной в отзыв для последующего формирования аттестационной комиссией объективной оценки такой деятельности. Из анализа положений пункта 13 Положения о проведении аттестации следует также вывод о том, что *дополнительными сведениями о профессиональной служебной деятельности для целей аттестации следует считать те сведения о профессиональной служебной деятельности, которые аттестуемый сотрудник представляет дополнительно к содержащимся в отзыве об исполнении им служебных обязанностей за аттестационный период.* Положение не ограничивает сотрудника письменной формой представления дополнительных сведений. Они могут быть предоставлены и устно в ходе заседания аттестационной комиссии. Данные сведения могут потребоваться для обеспечения объективной и всесторонней оценки профессиональных, личностных качеств и результатов профессиональной служебной деятельности аттестуемого сотрудника. *Заявление о несогласии с представленным отзывом или пояснительная записка несут иную правовую нагрузку и отражают мнение, позицию, доводы аттестуемого сотрудника относительно сведений, содержащихся в отзыве, являясь *condition sine qua non* (необходимым условием) процедуры аттестации.* В этой связи Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что в понимании пункта 15 Положения о проведении аттестации к дополнительным сведениям относится информация (сведения), подготавливаемая и представляемая в аттестационную комиссию непосредственно сотрудником о своей профессиональной служебной деятельности в соответствии с пунктом 13 Положения, не содержащаяся в отзыве об исполнении таким сотрудником служебных обязанностей (пункт 14 Положения). Дополнительные сведения имеют характер самостоятельного документа и могут представляться таким сотрудником вне зависимости от наличия факта его согласия или несогласия с отзывом, а также направления им в аттестационную комиссию вышеозначенных заявления или пояснительной записки (пункт 16 консультативного заключения от 3 июня 2016 года *по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).*

об избежании при аттестации конфликта интересов

В соответствии с пунктом 23 «Конфликт интересов»¹⁰⁹ Доклада Комиссии по международной гражданской службе ООН от 12 апреля 2013 года конфликты интересов могут возникать в тех случаях, *когда личные интересы международного гражданского служащего вступают в противоречие с выполнением его/ее служебных обязанностей или ставят под сомнение добросовестность, независимость и беспристрастность, предъявляемые к нему/ней как к международному гражданскому служащему*. Конфликты интересов включают обстоятельства, при которых международные гражданские служащие, прямо или косвенно, могут извлечь выгоду ненадлежащим образом из своих связей с организацией. Данная норма соотносится с положением пункта 4 Раздела II «Коллизии интересов и отказ от права» Международного кодекса поведения государственных должностных лиц, принятого Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 года A/RES/51/59, согласно которому государственные должностные лица не используют свое официальное положение для неподобающего извлечения личных выгод или личных или финансовых выгод для своих семей. Они не участвуют ни в каких сделках, не занимают никакого положения, не выполняют никаких функций и не имеют никаких финансовых, коммерческих или иных аналогичных интересов, которые несовместимы с их должностью, функциями, обязанностями или их отправлением (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года *по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98*).

Положение о проведении аттестации не содержит определения понятия «конфликт интересов» для целей регулирования отношений по вопросу проведения аттестации сотрудников Комиссии. Следовательно, согласно обычным правилам толкования, закрепленным в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, *Суд разъясняет понятие конфликт интересов в соответствии с его обычным значением в соответствующем контексте, а также в свете объекта и цели Положения о проведении аттестации*. В международном праве понятие «конфликт

¹⁰⁹ Как следовало из текста консультативного заключения, заявителем при обращении в Суд был поставлен в том числе следующий вопрос: Каким образом при проведении аттестации сотрудников Департамента антимонопольного регулирования Комиссии и Департамента конкурентной политики и политики в области государственных закупок Комиссии, подготовивших, подписавших и направивших коллективную жалобу и обращение, должно обеспечиваться формирование состава аттестационной комиссии таким образом, чтобы исключить возможность возникновения *конфликта интересов*, который мог бы повлиять на принимаемые аттестационной комиссией решения.

интересов» является отраслевым и применяется к конкретным сферам. В данном случае следует выделить соответствующее право Союза. В частности, указанное понятие применяется к порядку работы Комиссии (пункт 61 Положения о ЕЭК), статусу судей Суда (пункт 21 Статута Суда). Данный институт также наличествует во внутреннем праве иных международных организаций... Суд принимает во внимание данные положения для установления содержания понятия «конфликт интересов». При этом в контексте определения указанного понятия релевантной является, прежде всего, практика международных организаций, регулирующих служебные отношения с международными гражданскими служащими, и лишь затем – законодательство государства пребывания – Российской Федерации (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года *по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98*).

[В] связи с тем, что государственная гражданская служба регулируется публичным правом, сформировалась устойчивая практика исключения государственных служащих из – под регулирования трудового права соответствующего государства (кроме вопросов имущественного характера). Именно таким образом толкуют данный вопрос [ряд международных судебных учреждений], признающих особый статус государственных служащих, реализующих публичные функции (дипломатический корпус, судебная власть и прочее), направленные на охрану общих интересов государств и исключающие распространение на них норм частного (в том числе национального трудового) права. *Такой же особый статус придается и международным служащим.* Таким образом, понятие «конфликт интересов» целесообразно толковать на основании международных договоров, решений международных судов и организаций (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года *по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98*).

В документах Организации Объединенных Наций содержится положение о том, что *конфликт интересов возникает тогда, когда путем действия или бездействия личные интересы вторгаются в сферу исполнения официальных обязанностей и ответственности или мешают единообразию, независимости и беспристрастности*, которые требуются исходя из статуса члена персонала как международного гражданского служащего. Когда возникает действительный или возможный конфликт интересов, члены персонала должны сообщить о нем главе подразделения, Организация

должна нивелировать и разрешить его в пользу интересов Организации... Следовательно, *конфликт интересов* является понятием, связанным не только с финансовыми отношениями, а может включать также отношения, из которых возникает какая – либо личная заинтересованность (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

Следует отметить, что в международной практике в качестве примеров *конфликта интересов* признаются:

наличие родственных и дружеских связей,
психологическое давление,
получение подарков,
нарушение запретов,
владение ценными бумагами и банковскими вкладами,
судебные разбирательства,
протекционистские действия при продвижении по службе,

получение льгот и прочее. В то же время применительно к международным служащим (исключая судей) профессиональные связи между сотрудником и аттестующим его лицом не приводят к конфликту интересов... Таким образом, Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что *конфликт интересов в контексте аттестации сотрудников Комиссии возникает в том случае, когда член аттестационной комиссии имеет существенные связи с аттестуемым сотрудником.* В частности, конфликт интересов может возникать в том случае, когда путем действия или бездействия личные интересы международного служащего пересекаются с исполнением его официальных обязанностей. При этом наличие личных связей в профессиональном плане может подтверждаться как объективными, так и субъективными факторами (наличие этического конфликта). В первом случае конфликт интересов подтверждается объективными документами (справками, свидетельствами о рождении), а во втором – наличием решения соответствующего органа (например, Комиссии по этике) (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

[С]уществует два пути выявления конфликта интересов:

объективный (через действия кадровой службы международной организации и ее руководителя)

и *субъективный*, при котором превалирующую роль играет оценка происходящего лицами, участвующими в конфликте. Большая коллегия Суда отмечает, что в Положении о проведении аттестации напрямую не закреплен процессуальный механизм выявления конфликта интересов – в частности, не определено, какие действия должны быть предприняты членами аттестационной комиссии и аттестуемым лицом для установления конфликта интересов и установления влияния этого конфликта на результаты аттестации. По мнению Большой коллегии Суда, *одним из способов минимизации конфликта интересов является раскрытие информации международными гражданскими служащими касательно существования конфликта и отказ соответствующего члена Комиссии от участия в обсуждении данного вопроса*. Практика Административного трибунала ООН (в настоящее время – Трибунал по спорам Организации Объединенных Наций; Решение Административного трибунала ООН № 1117 от 30 сентября 2003 года, дело № 1225 KIRUDJA v. the Secretary – General of the United Nations) исходит из того, что недопустимо участие в отборе кандидатов на соответствующие должности лица, обладающего правомочиями по такому отбору, в случае наличия у него конфликта интересов, поскольку это влечет нарушение условий

независимости,
объективности

и беспристрастности (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года *по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98*).

[Р]аскрытие информации международными гражданскими служащими касательно наличия конфликта интересов возможно в ходе предоставления информации о своей профессиональной деятельности (пункт 13 Положения о проведении аттестации) и исходя из принципа объективности (пункт 16 Положения о проведении аттестации) допустим отказ соответствующего члена аттестационной комиссии от участия в ее работе. Большая коллегия Суда приходит к выводу, что *понятие «конфликт интересов», применительно к аттестационному процессу международных служащих, включает в себя наличие существенных связей (в том числе родственных, протекционистских, дружеских, финансовых и так далее) между лицами, участвующими в таком процессе, которые могут быть расценены с точки зрения стороннего разумного лица как ставящие под сомнение объективность такого процесса*. В таком контексте конфликт интересов возникает в том случае, когда личные интересы участника аттестационного процесса не соотносятся с исполнением его официальных обязанностей. Таким образом, *лицо, имеющее в аттестационном процессе*

личные интересы, обязано заявить о наличии существенных связей, в то время как орган, осуществляющий процессуальные действия, обязан оценить степень воздействия этих связей на предстоящую процедуру с целью соблюдения принципов

беспристрастности,

объективности,

справедливости международных процедур (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

[К]валифицирующим признаком конфликта интересов является наличие личной заинтересованности лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий), которая находится в причинно – следственной связи (влияет или может повлиять) с надлежащим, объективным и беспристрастным исполнением им должностных (служебных) обязанностей (осуществлением полномочий) (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

В соответствии с актами права Союза, регулируемыми трудовые правоотношения, у сотрудников Комиссии имеется практическая возможность для урегулирования вероятных трудовых споров, иных конфликтных ситуаций посредством тех правовых инструментов, которые созданы в Комиссии по аналогии с практикой иных международных организаций (пункт 12 консультативного заключения от 3 июня 2016 года по заявлению ряда сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 98).

**По вопросу о пенсионном обеспечении должностных лиц (сотрудников)
Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского
экономического союза; соотношение права Союза и права государства –
члена Союза**

общие положения

[П]енсионное обеспечение – это совокупность правовых, экономических и организационных институтов и норм, имеющих целью предоставление гражданам материальной поддержки в форме выплаты пенсии (пункт 1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

[В] Договоре содержится материальная часть регулирования права на пенсию за выслугу лет (условия приобретения права на такую пенсию), тогда как в отношении порядка (процедуры) назначения пенсии Договор отсылает к национальному законодательству, оставляя Председателю Коллегии Комиссии и Председателю Суда Союза право представления, на основании которого руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно – правовому регулированию в сфере пенсионного обеспечения, принимает соответствующее решение об установлении пенсии за выслугу лет (пункт 1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

Должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, обеспечивающие выполнение функций наднациональных органов Союза, в силу пункта 2 Приложения № 32 являются международными служащими органов Союза (пункт 2 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

В соответствии с общепризнанными принципами равенства и справедливости, на которых основано осуществление конституционных прав и свобод человека и гражданина, в Российской Федерации установлено

правило о правовой определенности и связанной с ней предсказуемости правоприменительной практики в сфере пенсионного обеспечения, необходимых для того, чтобы стороны соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в том, что приобретенное ими право на пенсию за выслугу лет будет реализовано (пункт 3.1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[П]од понятием «*стаж государственной службы*» понимается суммарная продолжительность периодов осуществления государственной службы на день увольнения с занимаемой должности, учитываемая при определении права на пенсию за выслугу лет государственных служащих Российской Федерации и при исчислении размера этой пенсии (пункт 3.2 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

об исчислении трудового стажа сотрудников Комиссии и Суда

Приложение № 32 [к Договору] не содержит запрета учитывать имеющийся у должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда стаж в должностях государственной (государственной гражданской) службы, приобретенный в различные периоды их трудовой деятельности, в том числе до учреждения Союза и по разным видам федеральной государственной службы (пункт 2 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

Учитывая, что пункт 53 Приложения № 32¹¹⁰ [к Договору] содержит отсылку к национальному законодательству, Большая коллегия Суда делает вывод,

¹¹⁰ В абзаце первом пункта 53 Приложения № 32 определены условия для получения права на пенсию за выслугу лет гражданами Российской Федерации, среди которых следует выделить

а) необходимый стаж государственной гражданской службы (не менее 15 лет),

что в качестве документов в данном случае рассматриваются национальные правовые акты Российской Федерации, относящиеся к приобретению права на пенсию за выслугу лет, *в которых могут содержаться иные условия, не указанные в Договоре* (пункт 3.1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

Однако наличие в пункте 53 Приложения № 32 самостоятельного условия назначения должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда пенсии за выслугу лет означает, что, независимо от изменения в национальном законодательстве стажа, при наличии которого назначается соответствующая пенсия, *в отношении международных служащих органов Союза применяется норма о стаже, установленная Договором* (пункт 3.1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[М]еждународная служба в органах ЕАЭС требует наличия профессиональных знаний и навыков в тех сферах деятельности, которые

б) период работы в органе Союза непосредственно перед увольнением (не менее 12 месяцев),

в) освобождение от должности в органах Союза не связанное с виновными действиями,

г) до работы в Комиссии и Суде Союза замещение должности федеральной государственной (государственной гражданской) службы.

В отношении порядка назначения пенсии пункт 53 Приложения № 32 содержит отсылку к национальному законодательству. Абзац второй пункта 53 Приложения № 32 предусматривает, что размер пенсии за выслугу лет исчисляется исходя из среднемесячной заработной платы должностного лица или сотрудника, предельный размер которой определяется применительно к должностным окладам (денежному вознаграждению), установленным по приравненным должностям государственной гражданской службы согласно перечню соответствия должностей должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда Союза должностям федеральной государственной гражданской службы в Аппарате Правительства Российской Федерации и аппарате Верховного Суда Российской Федерации, утверждаемому Правительством Российской Федерации (пункт 1 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

переданы государствами, создавшими Союз, в наднациональную компетенцию, и которые международные служащие применяют на международном уровне. Такие навыки могут быть приобретены только посредством практической работы в соответствующих сферах, *стаж которой служит одним из требований к кандидатам, учитывается при приеме на работу в орган Союза, а, значит, не может исключаться и при освобождении с должностей, замещаемых в Комиссии и Суде Союза, в связи с выходом на пенсию (пункт 3.2 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года))*.

[Н]ормы законодательства Российской Федерации позволяют сделать вывод о том, что *стаж работы в международных (межгосударственных) организациях включается в стаж государственной гражданской службы. Включение в указанную категорию различных видов государственной службы (государственной гражданской, военной, иных видов) определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации (пункт 3.2 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года))*.

[В] отличие от пункта 53 Приложения № 32, пункт 54 касается не только граждан Российской Федерации, но и граждан всех государств – членов, так как в формулировке данной нормы указывается, что период работы должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда Союза включается в «стаж государственной (государственной гражданской) службы государства – члена, гражданами которого они являются» (пункт 4 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)).

[В] отличие от пункта 53 Приложения № 32, пункт 54 не содержит указаний на какие – либо условия для включения периодов работы в Комиссии и Суде в стаж государственной гражданской службы, что позволяет сделать вывод о том, что *данная норма может быть применена также и к тем лицам, которые до работы в Комиссии и Суде не имели стажа государственной гражданской службы. Учитывая изложенное, данная норма регулирует*

только вопрос соотношения стажа международной службы в органах Союза и государственной службы в государствах – членах. Гражданская служба (как вид государственной службы), военная служба или государственная служба иных видов могут быть включены в стаж государственной службы, если это предусмотрено законодательством государства – члена (пункт 4 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).

[У]словия возникновения права получения доплат к страховой пенсии за длительность службы и особенности ее несения закреплены в международном договоре, в то время как порядок их реализации определяется национальным законодательством. При назначении пенсии за выслугу лет органы Союза вправе применять условия назначения пенсии, закрепленные в Договоре в истолковании, которое дал Суд в настоящем консультативном заключении, с представлением документов в порядке, предусмотренном законодательством государства – члена. Неисполнение национальными администрациями государств – членов подобного представления органа Союза не согласуется с положениями пунктов 53 и 54 Приложения № 32 (пункт 4 консультативного заключения от 20 декабря 2018 года *по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)*).